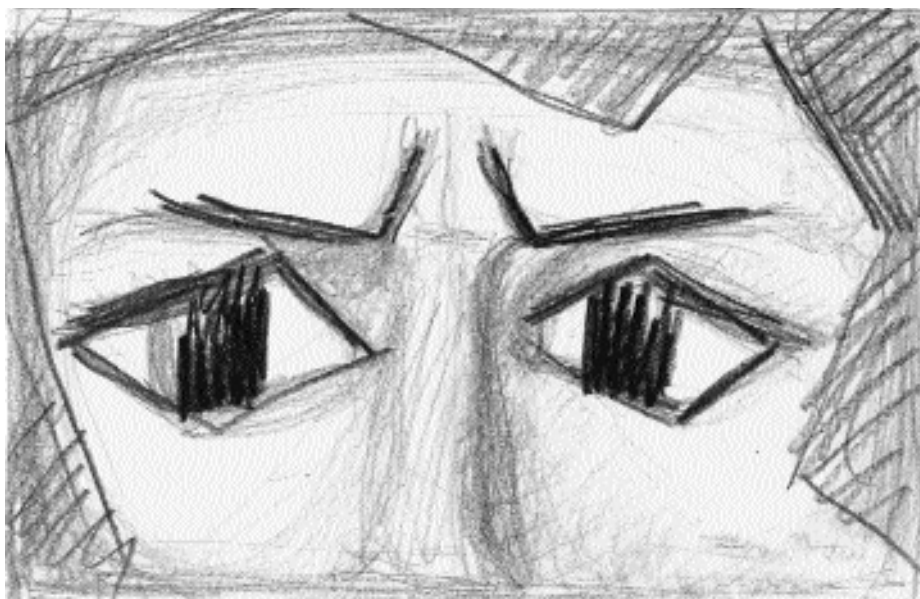

Собственность **а д а**

1.

— ...Кирюха, у меня все получается! Стабилизация на все сто! Тебя ждет сюрприз!..

Кирилл невольно поморщился и отстранил трубку от уха.

— Зарайский, во-первых, не ори. А во-вторых, ничего не делай. Я уже около твоего дома. Сейчас мы всё не торопясь...

Но Зарайский уже бросил мобильник.

— Гений нетерпелив, — резюмировал Кирилл, отключаясь.

До дома Зарайского, действительно, оставалось совсем немного. Пятиэтажка стояла неподалеку от троллейбусной остановки, по другую сторону обширного пустыря со следами несостоявшейся стройки. Кирилл миновал его и вышел к дому Вовчика Зарайского, когда громыхнул взрыв. Окна на пятом этаже в торце здания разлетелись дымным веером осколков стекла и щепы.

На разные голоса завывли автомобильные сигнализации, сквозь какофонию слабо пробился безумный женский крик. Кирилл бросился к подъезду, краем глаза увидев, как откуда-то из-за голосящих машин выскочил крупный мужчина в распахнутой куртке. Кирилл споткнулся, кубарем полетел на асфальт, мужчина промчался мимо, забегая в подъезд и... тут же вылетел обратно. Нет, не вылетел — его просто выкинуло, словно скомканную тряпку. Мужчина рухнул в шаге от еще лежавшего Кирилла, пятная асфальт кровью, а из дверей подъезда выдвинулась, со скрипом выламывая узкие косяки, страшная темная туша. Кирилл успел разглядеть конусовидную морду, веер кривых рогов, пасть с сотнями зубов... Тварь оттолкнулась когтистой лапой и в следующий миг оказалась во дворе. Она тяжело повернулась толстым корпусом, присела на жилистых, вывернутых, как у кузнечика лапах и вдруг резко прыгнула, приземлившись в десяти метрах, посреди автомобильного ряда.

Захлебнулась одна из сирен, а тварь уже прыгнула вновь, легко перемахнув бетонный забор.

Кирилл лежал, оцепенело глядя ей вслед. Он так и не понял, когда в безумный вой сигналов вплелась сирена подъезжающей пожарной машины...

...Кирилл вздрогнул и открыл глаза. Все исчезло. Ровно гудели турбины, за иллюминатором застыло белое всхолмленное поле облаков.

— Вам нехорошо? — участливо спросила стюардесса. — Может быть сока, минеральной?

— Нет-нет, — пробормотал Кирилл, пытаясь улыбнуться. — Просто... дурной сон.

2.

Слежку Кирилл почувствовал в самолете, когда разрешили выход. Оглянулся — и поверх голов столкнулся глазами с чужим взглядом — пристальным, изучающим. Взгляды тут же отскочили друг от друга, как два клинка. Но теперь Кирилл наверняка знал, что за ним следят. Странно, он считал, что давно утратил интерес для ФСБ. И тем не менее... Оказавшись на летном поле, Кирилл замешкался, изображая, будто что-то попало в ботинок. Незнакомец прошагал мимо, искоса и на этот раз равнодушно глянув на Кирилла. Средний возраст, средний рост, ни толстый и не тонкий, походка ровная, не хромает и не подпрыгивает. Среднестатистический гражданин без особых примет.

Незнакомец догнал основную группу прилетевших и затерялся в ней. Кириллу ничего не оставалось, как тоже подхватить дипломат и двинуться следом.

Через суматошную толчею «Шереметьево» Кирилл пробился, как корабль на свет маяка — рыжий факел Ленкиной шевелюры было видно издалека. С восторженным визгом Лена кинулась на шею, обняла, прижалась. Господи, как мечтал он об этом за тридевять земель — чтобы вновь ощутить тепло щеки родного человека, почувствовать приятное шекотание рыжих локонов...

— Слушай, — оторвалась от него Лена, отстранилась, придирчиво осмотрела, — Говорят, всю Европу на гамбургерах разносит, а ты там похудел. Совсем как щепка стал.

— Как мускулистая щепка, — гордо поправил Кирилл.

— О боже! У щепки появилось новое определение: мускулистая!

— И щепка хочет пельменей. Русских. И водочки. Как дань традиции.

— И?..

— Сальца, мороженого, ломтиками. И пару огурчиков. И хлеба бородинского, свежего, теплого.

— Все будет сделано, — пообещала Лена. — Русофил!

Когда они въехали в Москву, было еще довольно светло, но рекламные щиты и огни витрин вкупе с фонарями уже перебили свет солнца, спрятавшегося за высотками. Ленка болтала о пустяках, ругала погоду, пересказывала последнее письмо от мамы из Ново-Енисейска, и не выпускала руку Кирилла из своей.

...— Ой, а Алку вчера выпустили из роддома. Я к ней ездила. Малыш — прелесть. Юхник над ними, как коршун над добычей: глаз не сводит, крылья нараспашку... Кто бы подумал, что наш героический препод может быть таким хлопотуном...

— Да, когда мы учились, этого за ним не замечалось. Тогда в наших глазах он успешно совмещал только две ипостаси: блестящего математика и героя-любownika.

Дружба Кирилла с Юхником возникла «принудительно»: пока Чернов учился в институте, Юхник не упускал случая пройтись по поводу способностей Кирилла (увы, нередко для этого имелся повод), чем заслужил стойкую неприязнь. Но через месяц после защиты случилось непредвиденное: Алка Шмеерсон, однокурсница, умница и «свой парень», вдруг вышла замуж за Юхника. Скрепя сердце, Кирилл рассудил, что эта внезапная неприятность все же не повод вычеркивать Алку из списка друзей — и правильно сделал: оказалось, что ненавидный препод — на самом деле совсем не злобный монстр, а честный и ум-

ный человек, с которым можно поговорить на любые темы и получить толковый совет. Жизнь полна неожиданностей.

— Отцовство, милый мой, многое меняет, — не унималась Лена. — Видел бы ты, как Юхник...

Кирилл расслабленно улыбался, кивал и с удовольствием пялился в окно, читая разноцветные вывески, а в голове успокаивающим перестуком метронома звучало: «Я дома, дома, дома...»

Машина завернула с проспекта на улицу и Лена тронула водителя за плечо:

— Остановите возле «Универсама», — и, вновь обернувшись к Кириллу, быстро поцеловала в губы, — Я кое-что купля, а ты давай домой.

— Пойдем вместе.

— Нет-нет, ты давай быстренько в ванну, и чтобы к моему приходу был как огурчик! — велела она, выскальзывая из машины.

Через сотню метров такси завернуло в арку и остановилось возле обшарпанного подъезда. Расплатившись, Кирилл бросил сумку на скамью возле дверей и с чувством потянулся.

— И дым Отечества нам сладок и приятен, — вполголоса процитировал он классика. Дымком действительно пахивало — видимо, пацаны поджигали мусор. Но и свежей зеленыю, еще не побитой пылью — тоже.

Подхватив сумку, Кирилл набрал код на двери подъезда и вошел под сень хрущевки. Внутри вид был не лучше — подъезд красили лет шесть назад и за это время пара поколений недорослей успела покрыть его наскальными изображениями типа «Нюхай клей!» или «RAP — это кал!». Кирилл открыл железную дверь квартиры, которую они с Леной снимали, потом вторую, обычную.

— С возвращением, — раздался из глубины квартиры знакомый голос.

3.

Квартира Збарского выгорела начисто, взрыв повредил еще несколько, так что шума эта история наделала много.

Вначале писали о террористах, потом «Желтая газета» дала целый разворот под свидетельства очевидцев, видевших некоего чудовищного монстра, но уже через неделю все дружно заговорили о бытовой утечке газа.

Кирилл дважды вызывали к следователю, уточняли детали. Следователь оказался нормальным профессионалом и монстрами не интересовался: версия сводилась к несчастному случаю безо всякой чертовщины.

Но на третий раз Кирилл в кабинете следователя встретил незнакомый молодежавый мужчина в добротном сером костюме.

— Здравствуйте, Кирилл Анатольевич! Давайте еще раз вспомним тот вечер, а потом углубимся в воспоминания немного дальше, — энергично и даже с некоторой веселостью предложил незнакомец.

— Я ведь уже все рассказал следователю, — изобразил усталость Кирилл.

— Не сомневаюсь, — искренне улыбнулся незнакомец. — Ваши показания я читал. Но, судя по ответам, тогда что-то ускользнуло от вашего внимания. Что-то, что вы посчитали незначительным. Например, трехметровое существо, которое появилось, из квартиры гражданина Збарского.

— Неужели? Верите в сказки?

— Представьте, да, — охотно согласился незнакомец. — К тому же, всплыли некоторые детали. Скажем: до того, как сгореть, гражданин Збарский получил травму, несовместимую с жизнью. Проще говоря — лишился головы. Не хотите ли взглянуть на фото? Но для начала давайте познакомимся — майор Скворцов, ФСБ.

...В тот день Кириллу пришлось рассказать все. И об изобретении Збарского, и об их грандиозных планах, и о том, как Збарский, не дожидаясь Кирилла, решил испытать новый метод стабилизации объектов: Вовчик не придумал ничего лучшего, как выбрать в качестве матрицы первого попавшегося монстра из какой-то компьютерной «стрелялки»... Рассказал все, кроме одного: что за две недели совместной работы успел детально познакомиться с конструкцией «ящика Збарского»: Ки-

рилл понимал, что такие знания могут ему дорогого стоить... Пришлось упомянуть и о Рукояткине. Тут-то и выяснилось, что за пару дней до взрыва начинающий продюсер вдруг решил резко поменять и профессию, и место жительства, улетев в Штаты. Скорее всего, он не имел к трагедии никакого отношения. Но в том, что тоже успел узнать принцип действия «ящика Збарского», сомневаться не приходилось...

Интересы ведомства переключились на потенциального обладателя тайн, а Кирилл вернулся к нормальной студенческой жизни. Почти нормальной — если исключить редкие, но тяжелые кошмары...

4.

В гостиной зажглась лампа. Под лампой в любимом кресле Кирилла сидел, привольно вытянув ноги, майор Скворцов, а за его спиной замер молодой гражданин в штатском.

— Нельзя было поздороваться по телефону? — попытался быть вежливым Кирилл.

— Я тоже рад тебя видеть. Не кипятись, мы ненадолго.

— Скоро сюда...

— Знаю. До ее прихода мы исчезнем. Ты знал, что твоя квартира находится под видеонаблюдением?

— Что?! — взвился Кирилл. — Ах вы...

— Не спальня, не туалет и не ванная, — Скворцов поднял палец. — Мы — порядочные люди. Лестничная площадка, коридор, вот эта комната, кухня. Еще датчики на окнах. Все это только ради твоей безопасности. И, как оказалось, не зря. Вчера сюда проникли два неизвестных и очень тщательно прошлись по обстановке. Действовали чрезвычайно осторожно и вообще производили впечатление профессионалов. Спустились ночью с крыши, отключили сигнализацию вон там, — Скворцов небрежно кивнул на окно за спиной, — а потом вошли...

В это время здесь находилась Ленка. Беззащитная. Кирилл рухнул на диван.

— Нет-нет, — вновь словно угадал его мысли Скворцов. — Твоя подруга их не интересовала. Елена Викторовна спала, а наши гости для верности впрыснули в комнату немного «сонного газа». Если бы ситуация стала выходить из-под контроля, мы вскоре оказались бы здесь. Догадываешься, что они искали?

— Возможно, — осторожно сказал Кирилл. — А вы?

— Представляешь, и мы тоже! — радостно сообщил Скворцов. Он вдруг оживился. — Тут ведь какая ерунда приключилась? Когда эти гостюшки к тебе пожаловали, мы подтянули к дому бригаду бойцов. Не вплотную, чтобы в случае стрельбы дом засветить, а так, на ближние подступы. Решили взять при выходе. Но гости исчезли, словно в воду канули.

— Плохо искали, — не преминул бросить Кирилл.

— Искали хорошо. Потом взялись за видео. На гостях были маски, но из подъезда они выходили уже открыто, так что одна камера их зацепила. Мы прогнали рожу по всем базам данных — и нашей, и МВД, и армейской. Результат был ни-ка-ким. Можно, конечно, предположить, что совсем недавно эти незнакомцы были добропорядочными гражданами, но, согласись, такими профессионалами с бухты-барухты не становятся. Это были гости издалека, может, из очень дальнего далека. Так сказать, привет тебе от Збарского.

5.

— ...Ну и что ты хотел? — ехидно спросил Кирилл. Пару часов назад Збарский вызволил его и поинтересовался, не хочет ли он подзаработать пару-тройку тысяч у.е.

— Во-первых, здравствуй. Проходи. — Збарский повернулся, побрел на кухню.

— Так в чем дело?

— Я сейчас, — сообщил он, гремя чайником. — Ты пока располагайся.

Кириллу ничего не оставалось, как пройти в комнату. Похоже, со времени последнего — и довольно давнего — визи-

та ничего не изменилось: основные контуры бардака оставались прежними. Сразу было видно, что здесь живет человек, которому совершенно чужды понятия «комфорт» и «гигиена». На пыльном паласе возле тихонько гудящего компьютера стояла тарелка с засохшими шкурками от сосиски и корочкой хлеба. Стол был завален стопками книг и журналов вперемешку с окаменелыми апельсиновыми корками, яблочными огрызками, дисками и дискетами. Перед столом располагалось большое продавленное кресло.

Отодвинув тарелку с остатками трапезы, Кирилл подцепил один из журналов. Да, не «Плейбой»: цифры и буквы, буквы и цифры... Юхник был бы в восторге. В середине номера на глаза Кириллу попала статья о самоорганизующихся системах. Он невольно попробовал вчитаться, потому что на полях красовались надписи, сделанные рукой Вовчика: «Неужели?», «Чушь собачья!», «Сам придумал?» и прочее в том же духе. Правда, пока что Кирилл не слишком-то понимал, о чем толкует автор и тем более с чем не согласен многоумный Збарский... Внезапно боковым зрением он уловил движение у окна, обернулся и...

...и в ужасе отпрянул. В нескольких шагах от Кирилла висело чудовище: шишковатый шар с тускло-желтым змеиным глазом и хищно распахнутой клякстой пастью. Вместо волос из шара лезли тонкие щупальца. Узкий зрачок медленно двигался, кого-то выискивая. Кирилл вжался в угол и затаил дыхание. В мозгу с невообразимой скоростью пронесся вихрь мыслей, догадок, предположений, вылившихся, в конце концов, в одно-единственное краткое резюме: «каюк».

Наконец глаз прекратил двигаться и остановился на госте. Завопив, Кирилл метнул в чудовище журнал, но тот, не нанеся никакого вреда, свободно пролетел сквозь монстра. Он даже не вздрогнул, продолжая тарачиться в угол. Только тут Кирилл уловил еще одно легкое гудение, накладывающееся на шум работающего компьютера. Гудение шло со стороны платяного шкафа. Сделав пару осторожных шагов в сто-

рону, Кирилл зацепил со стола длинную деревянную линейку и осторожно ткнул ею монстра. Не встретив никакого сопротивления, линейка вошла прямо в глаз чудовища.

— Ах ты, сволочь! — прошипел Кирилл сквозь зубы. — Шуточки со мной шутить вздумал!.

Пройдя в угол комнаты, он приставил стул к шкафу. Источник шума обнаружился сразу: между пыльных коробок стояла небольшая, похожая на DVD-проигрыватель, установка. Судя по всему, это была примитивная лазерная пушка, которая проецировала голографическое изображение чудовища. Компьютер, очевидно, запускал какую-то программу и посылал сигнал на установку.

— Эй ты, придурок! — заорал Кирилл и тут увидел в дверях Вовчика. Тот с интересом наблюдал за происходящим. — Знаешь, козлина, что за такие шуточки бывает?!

Вовчик пожал плечами. На его губах бродила легкая улыбка. Это Кирилла взбесило.

— Вот что бывает! — и он с размаху грохнул установку об пол. Небрежно свинченный корпус лопнул, что-то отлетело и укатилось под стол. — Скажи еще спасибо, что морду тебе не набил! — закончил Кирилл и, отпихнув Вовчика с пути, кинулся в прихожую. Только тут Вовчик ожил и бросился следом.

— Да ладно тебе, Кирюха! Я же не зря устроил демонстрацию. Знаешь, сколько эта штука жрет электричества?

— Пришли счет, — огрызнулся Кирилл. — У тебя что, крыша съехала?

— У тебя тоже съедет, когда все узнаешь. Пойдем, или как?

— Ладно, ребалитируйся...

Установка валялась на полу, шнур был оборван, и, тем не менее, монстр, дико вращая глазом, продолжал висеть на своем месте, как ни в чем не бывало.

— И как это понимать?

Вовчик флегматично взглянул на своего «подопечного» и махнул рукой.

— А-а... Через пару часов рассосется.

— То есть... Постой, как это через пару часов? Она у тебя что, без источ-

ника питания может существовать? Автономно?

Вовчик молча полез шарить под столом. Схватив за тапок, Кирилл выволок Зарайского опять на свет божий.

— Ты слышал, что я спросил?

— Да слышал-слышал. Надо детальку найти. Зачем, спрашивается, «пушку» раздолбал, обезьяна нервная? Вечно дергаешься, как... Мне же ее возвращать в институт надо. Я ее на два дня под предлогом починки взял. Вот и починил...

— Скажи еще спасибо, что сам цел остался. Короче — колись, родимый, иначе я тебя просто придушу.

— Ну ладно, ладно. — Вовчик поднялся, флегматично отряхивая с брючины прилипшую шкуру от сосиски. — Только это долгая история...

— Ничего. Послушаю. Идем на кухню. Чай-то ты поставил?

6.

В течение следующего часа Вовчик открыл Кириллу то, над чем работал последние полтора года. Рассказывал сбивчиво, без конца перескакивая с пятого на десятое, чем выводил Кирилла из себя. Кирилл азартно тер кончик но-

са, ерзал на стуле, стучал кружкой и понукал нерадивого рассказчика.

Началось все с компьютерных игр и попытки создать максимально правдоподобную иную реальность. Вначале Вовчик колдовал с виртуальным шлемом, обкатывая и шлифуя уже готовые игрушки. Однако очень скоро понял, что это, сколько бы усилий он не прилагал, остается продолжением именно имитационного пути, имевшего свои пределы, перешагнуть которые было невозможно по чисто техническим причинам. Виртуальный мир так и оставался картинкой — мастерски нарисованной, раскрашенной, но — картинкой, к которой благодаря новейшим наворотам добавлялось что-то из ощущений: движение, легкая боль... А Вовчик хотел добиться именно полного правдоподобия. Помочь в этом могла голография. Не погружать человека в мир игры, а вынести игру в реальный мир — вот это был бы действительно новый ход!

Надо сказать, что получить качественное голографическое изображение было не слишком сложно. Сложным было другое: как заставить созданное изображение существовать автономно. Как заставить его действовать по соответствующей программе, если поле

боя — не крохотные чипы, а, скажем, парк культуры имени Горького? Короче, как выдуть мыльный пузырь, заставить его двигаться в определенном направлении, да еще обеспечить, чтобы он не лопался слишком рано?

Вовчик ломал голову, а ответ почти сорок лет спокойно дожидался на книжной полке...

— Понимаешь, я, наверное, с самого начала знал ответ, только он был слишком далеко похоронен в памяти. Уже что только не пробовал — все перебрал, и без толку. И тут поехал как-то домой, сижу у отца в кабинете, думаю... А потом автоматически беру с полки первую попавшуюся книгу, открываю — и вдруг вспоминаю: я же это давным-давно читал, я же знаю это, я же именно это и ищу!

Рассказ, натолкнувший Вовчика на правильный путь, назывался «Ослик и аксиома». Автор сетовал о том, что век машин становится все короче и короче: проходит три-четыре года и модель нужно менять на более современную. Как избежать трудоемкой переделки, как выиграть гонку за прогресс? Техника должна быть приспособлена к постоянной перестройке, — делает вывод герой рассказа. Каким образом? А таким: машины изготавливаются из материала, способного менять форму.

— Понимаешь, — запинаясь, объяснял Вовчик и шумно хлебал чай, — понимаешь, он там использовал ферромагнитный порошок. Магнитное поле заставляет частички порошка выстраиваться нужным образом. Оно слепляет их, понимаешь? Вот мы попили с тобой чай и кружки нам не нужны. Я нажимаю кнопку, поле меняет конфигурацию, частички перестраиваются, и перед тобой тарелка. Наливай супчику! Поел? Опять нажимаю кнопку — бац! — новая комбинация: плеер. И не нужно тратить деньги, покупать новые вещи. Достаточно кучки порошка, генератора поля и нужной программы, понимаешь? В принципе, можно было остановиться и на этом. Поработать с магнитными полями, например. Там, применительно к микроскопическим размерам, масса своих проблем, но это же все

преодолимо, главное, принцип есть! Но мне нужно было что-то более простое. Не будешь же вместе с ноутбуком таскать за собой мешок с железными опилками! Нужно то, что всегда под рукой. А что у нас всегда под рукой?

Кирилл выжидающе поднял брови. Он даже не думал гадать, предоставив Вовчику возможность насладиться эффектной паузой. И Вовчик наслаждался. Восторженно оскалившись, он шаркнул по подоконнику ладонью и продемонстрировал ее Кириллу.

— Ну?! — спросил Вовчик с подвыванием. — Что?!

— Пыль, — определил Кирилл, разглядывая ладонь.

7.

Пыль. А ведь правильно. Пыли нет только в тех оазисах цивилизации, где изготавливают сверхточные приборы, или, скажем, стерильные медицинские препараты. Во всех других местах, какими бы чистыми они не казались, пыль есть всегда. Пыль покрывает снег на самых высоких пиках. Лежит в коридорах наглухо запечатанных пирамид. Носится в атмосфере Земли и лежит толстым ковром на равнинах Луны. Спрессованная, она может обрести гибкость металла и твердость камня. А для того, чтобы создать «тело» кибернетическому фантому, требуется не так много пыли: ведь оно не обязано быть сплошным. Это должна быть тончайшая оболочка, легко меняющая форму при смене рисунка магнитного поля.

Надо же, тот уродец в комнате — неужели он из обычной пыли?

— Ты помнишь, что такое ферромагнетик? Основа для записи информации. Их отличительной особенностью является наличие микроскопических однородно намагниченных объемов вещества, они называются доменами. В отсутствие внешнего поля хаотично ориентированные магнитные моменты отдельных доменов взаимно компенсируют друг друга, поэтому результирующее поле ферромагнетика близко к нулю. — Вовчик шумно пригубил чай, потом, вспомнив, отер грязную ладонь о

край скатерти. — Ну так вот. Я начал экспериментировать именно с ними. Цели разные, но принцип один: записать нужной информации с помощью магнитного поля. Точнее, я слепил программу, которая в свою очередь писала программы для видоизменений порошка. Ну, ты понимаешь: как должно быть скомбинировано магнитное поле, и каким образом оно должно меняться, чтобы монстр мигнул, оскалился, ушами пошевелил, наконец. А потом уже перешел от металлического порошка к пыли, понимаешь?

Он уже достал этими своими «понимаешь», потому что дальше Кирилл как раз мало что понимал. Зарайский увлеченно и долго говорил о стоячих волнах, о возможности их программировать, но все эти подробности Кирилл, для которого компьютерный мир по большому счету ограничивался клавиатурой, не слишком понимал.

Вовочка увлекся, перешел с трусы на рысь и даже порывался чертить на клочке бумаги какие-то схемы и диаграммы («Вот, смотри, петля гистерезиса, понимаешь?..»). Постепенно его эйфория передалась Кириллу. Открытие и вправду было столь сногшибательным, что в его реальность с трудом верилось.

— ...И я все думал, как все это смонтировать в игру, а тут на днях встретил Рукояткина. Помнишь Рукояткина?

— Того, который в позапрошлом году закончил физико-технологический? Мальчик с феноменальной памятью?

— Ну, в институте он ничем, кроме феноменальной памяти не отличился, но сейчас пошел в гору. Мы с ним целый вечер на кухне сидели. Он сейчас, оказывается, продюсер. Уже второй фильм снимает. Через него мы можем втюхать эту вещь на киностудии. Представляешь, сейчас все сцены со спецэффектами снимаются на специальном зеленом экране, а потом монтируются на компьютерах. Деньжищ на это уходит немеренно. А с помощью моей машинки можно будет создавать любые декорации и любых уродцев в натуре. Нужен тебе дворец Алладина — вуаля! Нужен сам джин — вот он! Рукояткин,

когда мои чертежи смотрел, пищал от восторга.

— Откуда у Рукояткина деньги?

— Какая разница, — отмахнулся Збарский. — У него сестра за одним богатеньким. А сейчас их прижимают, ну и...

— Прижимают тех, у кого нелады с законом, — уточнил Кирилл, — значит?..

— Какая тебе разница! У меня расклад простой: мы получаем заказ, ты прописываешь матрицы образов, я воплощаю их. Ты же видел, как у меня кораво получается, — кивнул Збарский на изрядно поблекшего монстра. — И вообще, мы же не бомбы собираем делать, какая разница, откуда деньги! Мне ведь немного осталось: добиться стабилизации, чтобы объект имел большую плотность и как можно дольше не растворялся. То есть, если мы выдаем декорации дворца, актеры не будут проходить сквозь стены, а если сделали джина — то с ним можно будет поздороваться за руку, понял?

— Понял, — механически повторил ошеломленный Кирилл и, подняв кружку, провозгласил: — За необозримые горизонты науки!

8.

«...Снова Збарский. Привет с того света», — подумал Кирилл.

— И что вы предлагаете?

— Гостей мы поищем, никуда они от нас не денутся. Но и вас не бросим. Поэтому, — Скворцов небрежно тронул связку ключей на столе, — сочти это презентом к будущему дню рождения: трехкомнатные апартаменты на набережной на неопределенный срок.

— Атракцион невиданной щедрости? С чего бы это?

— Был бы рад оказаться великодушным меценатом, но, увы: я, мой друг, меркантильный государственный служащий и квартирами не разбрасываюсь. Просто там хорошая система внутренней безопасности, консерж, плюс официальное видеонаблюдение и прочие прелести элитного жилища.

— Кстати, о наблюдении. За мной

сlediли — и в самолете, и в аэропорту. Ваши?

— Наши? — Скворцов хищно подался вперед, прищурился.

Кириллу стало как-то не по себе. До последнего он думал, что, возможно, это мог быть наблюдатель от «конторы».

— Опиши.

— Лицо... — Кирилл запнулся. Оказалось, что он почти не рассмотрел лица незнакомца. — Какое-то оно блеклое, как клякса на промокашке. Волосы светлые, кепочкой прикрыты... Лицо овальное, кожа гладкая, ни морщин, ни рубцов... Мне взгляд запомнился: случайно так не смотрят. И, кажется, он не слишком таился.

Пискнул сигнал. Скворцов склонил голову к плечу, прислушиваясь к голосу в наушнике.

— Понял, уходим. Елена Викторовна возвращается. Ладно, насчет попутчика давай решим так: завтра к тебе в офис придет «потенциальный покупатель» с ноутбуком, и вы минут двадцать конфиденциально пообщаетесь. Составите фоторобот. Ну, а остальное... остальное — потом.

Скворцов упруго поднялся с кресла.

— Ты только не напрягайся, ладно? Никуда мы тебя втравливать не собираемся. Наоборот, для тебя сейчас главное не высываться и жить тихомирно. О кей?

— Двери за собой закройте, — напомнил Кирилл.

— Как раз хотел тебя просить не провожать, — не остался в долгу Скворцов. — Дорогу знаем.

9.

— ...Часам к восьми вернусь, хорошо? — Кирилл отключился, сунул мобильник в карман и, дождавшись зеленого света, заторопился на другую сторону улицы, к малоприметной кафешке. На душе было беспокойно. Прошло всего три дня после того, как они с Леной переехали в новую квартиру, а Скворцов уже вызвал Кирилла «прогуляться по набережной». Выглядел он озабоченным.

— Понимаешь, какая ерунда приключилась. — Он поднял воротник светлого плаща — со стороны реки тянуло свежим ветерком. — Вчера ночью к тебе опять гости пожаловали. И на этот раз, судя по арсеналу, они решили не ограничиваться простым обыском: когда наши ребята попытались их взять, началось такое... Сегодня-завтра это обязательно всплывет в криминальной хронике как бандитская разборка... И опять оба ушли, очень чисто, без следов. На последнем этапе их вместе с нами милиция вела, двойным кольцом обложили, а они все равно ушли. Но ерунда не в этом, а в другом. Сегодня утром патруль задержал возле Казанского вокзала мужика без документов. Судя по описанию, крепкий такой мужик, явно тренированный — из спортсменов или спецназа. Патрульные тертыми калачами оказались, выделили его, ну и с проверочкой: ваша регистрация, гражданин? А у гражданина — пустые карманы. Ни записной книжки, ни ручки, ни расчески... Даже денег нет, нечего парням под погон положить, чтоб отвязались. Ну, они его под белы ручки — и в «обезьянник»... — Скворцов замолчал, покусывая губу.

— Что, думаете один из тех, ночных? Он где, у вас? Допросили?

— Наверное, из «тех». Только спросить мы не можем. Он в то утро первым клиентом оказался, один сидел. Дежурный на минуту отвернулся — и все: исчез гражданин из-под замка, как сквозь решетку просочился. Такой кипишь поднялся. В отделении уже задержание оформили, все чин по чину. А тут такое ЧП получается... Так что, похоже, не простые гости у тебя побывали. А если так, непонятно мне: как они появились в Москве? Мы вашего Эдика Рукояткина держим в сплошной осаде, в Россию он незамеченным приехать не может. Выходит, или он научился создавать «монстров» на расстоянии, или объявилась некая третья сила — а это ой как нехорошо...

— Чем же?

— А тем, что планы старого противника нам известны, да и сам он то-

же. А что на уме у новых игроков, мы знать не знаем. И кто они — тоже не ведаем. Такой противник, пока не раскроется, всегда будет на шаг вперед... Но ты не заморачивайся. Я тебе это все не только ради информации вещаю, а еще и потому, что теперь тебе обратно дороги точно нет. Так что живи себе в новой квартирке. Разберемся — вернетесь в прежнюю...

Едва они расстались, Кирилл набрал номер квартиры Юхника:

— Алка? Привет. Юрий Борисович дома? Дай-ка ему трубочку.

10.

Юхник задумчиво вертел в руках фужер с белым вином. Не сказать, чтобы информация, которую только что выложил Кирилл, его ошеломила. Человек неглупый, он и до этого понимал, что в давней — пять лет прошло! — истории гибели Зарайского слишком много странного. Просто рассказ Кирилла заполнил многочисленные лакуны.

— Вот ведь как, — задумчиво проговорил он и не удержался от излюбленной латыни: — Дикси эт анимам левави. Значит, говоришь, энергетические фантомы. И все материалы, относящиеся к их созданию, находятся сейчас в руках...

— Скажем так: в руках потенциального противника. Не думаю, что сбегавшего Рукояткина можно записать в друзья.

— И вот эта история с проникновением: думаешь, его могли совершить фантомы — или «монстры», как ты их называешь?

Кирилл кивнул:

— И поэтому я хотел бы вас просить...

— Чтобы я помог по части теории? Ну что ты поднимаешь брови? Ясно же, что сватаешь меня не на роль разведчика — какой из меня шпион? Как я понимаю, нужно точно определить, возможно ли модернизировать «ящик Зарайского» таким образом, чтобы он мог формировать «монстров» на расстоянии. И если да, то на каком именно. Так? Только вот моих знаний

здесь будет недостаточно. Потребуется серьезные консультации в Дубне и тут, мой друг, нам надо определиться, как далеко я могу продвинуться в изложении деталей.

— Полной информации я вам дать не могу, — быстро сказал Кирилл. — Но и вы не должны выкладывать им все, что я вам предоставлю.

Юхник печально улыбнулся

— Значит, по одной кости нам предстоит реконструировать динозавра и определить, шипит он или рычит. Но ты знай: дэ нихилё нихиль — из ничего ничего не получится.

— Извините...

— Да я понимаю. Сейчас «ящик Зарайского» уже не научный объект, а политический фактор. У кого он в руках — тот диктует условия. Тут уж не до эмпирей, друг мой, не до эмпирей... Ладно! — Юхник решительно поднял бокал и допил вино. — Пойду, помозгую, как все это организовать.

— Я договорюсь, чтобы вам оформили командировку.

Теперь брови поднял Юхник — но говорить ничего не стал, и, махнув на прощанье рукой, ушел.

Кирилл пил вино и думал о том, что когда-нибудь сможет рассказать Юхнику все без утайки. И «ящик Зарайского» перестанет быть секретной игрушкой, нужной только военным и политикам. Декорации для киностудий? Дудки! Дома из энергетических полей, построенные «без единого гвоздя». Космические корабли, созданные сразу же на орбите Земли. Машины, не использующие бензин, а черпающие энергию из пространства... Да мало ли для чего можно использовать «ящик Зарайского»? Только когда это перестанет быть тайной?

11.

Бухгалтерия — дело, конечно, важное, но веселым его не назовешь. Кирилл отвел глаза от монитора. Свежеокрашенный потолок был и то интереснее пестрящего графами экрана. Но — ничего не поделаешь, статус обязывает...

Год назад Кирилл арендовал полу-

подвальчик, а три месяца назад вывел своих людей на свет Божий — снял офис на одной из Парковых улиц неподалеку от Щелковского автовокзала. С одной стороны — почти край географии, но зато рядом метро, район не шумный, да и светлый офис престижнее подвала, тем более сейчас, когда Кирилл привез выгодный контракт из Германии.

Мелодично прозвенел звонок. Кирилл снял трубку.

— Богатым будешь, — раздался веселый голос, — не дозвонишься. Узнал?

— Еще бы.

— У тебя есть время? Часика два — два с половиной.

Кирилл вздохнул. Что-то подсказывало, что отказываться от дружеского предложения Скворцова не стоит.

— Куда ехать?

— Для начала выйди на улицу.

В офисе сидел только программист Костик — то есть, можно сказать, что офис был пуст: Костик с головой и всеми другими частями тела был погружен в виртуальный мир, пальцы долбили по клавиатуре, как по пишущей машинке. Секретарша Оля пила кофе и смотрела журнал. Кирилл взглянул на страницу: что-то по археологии. Серьезная девушка.

— Я уеду и до конца дня могу не вернуться. В крайнем случае, звони на мобильник.

— Да, босс, — кивнула, не отрываясь от чтения, Оля. В отсутствие Кирилла она оставалась полноправным хозяином, заставлявшим ходить по струнке безалаберных программистов.

Выйдя за порог фирмы, Кирилл едва не ткнулся носом в Скворцова. Посмеиваясь, тот стоял, облокотясь на капот черного «Джипа».

— Экипаж подан.

— Не можете вы без форса, товарищ майор, — осудил Кирилл.

Когда машина тронулась, он внимательно взглянул на майора:

— Что, опять «гости» объявлялись?

— Потерпи полчаса. С Юхником проблем не будет?

— Он — взрослый мальчик. К тому же я не сказал ему ничего лишнего. Куда мы едем?

— Смеяться не будешь? К нам, в подвалы Лубянки.

12.

— Напомню правило: память запомнила, язык забыл. — Скворцов покосился на него. — Информация не на вынос.

Кирилл только фыркнул: как вы могли, товарищ майор?.. Он старался не показывать вида, но глаза так и шарили по сторонам. Еще бы, он оказался в святая святых ФСБ — на Лубянке! Не то чтобы он никогда не бывал на площади, но близко к Управлению Федеральной разведки не подходил — аура здесь такая, что ли? И тем более не бывал внутри.

Между тем ничего дьявольского не наблюдалось — не капала с потолка кровь, а по багровым лужам не бродили гориллообразные палачи в испачканных фартуках, выхватывая из жмушихся к стенам очередей новую жертву.

Они действительно, как и обещал Скворцов, спустились в подвалы — но и здесь ничего не напоминало о недоброй памяти прошлом Лубянки. Создавалось впечатление, что они находятся в недрах большого офиса, где кипит повседневная и, в общем-то, рутинная работа.

— Нам сюда, — толкнул Скворцов одну из дверей. За дверью оказалась небольшая комната с минимумом мебели: стол, несколько офисных кресел, пустой шкаф.

— Присаживайся, — предложил Скворцов. Он открыл стоящий на столе ноутбук, включил и, видимо, набрал код. Только после этого развернул экран к Кириллу.

— Это видеосъемки допроса чеченского боевика Алика Чигитова. Его взяли позапрошлой ночью при попытке перехода границы с Грузией, а до этого Чигитов три дня блуждал по горам. Для человека, хорошо знающего местность — а он, как оказалось, уроженец горного Хал-Килоя, — до-

вольно странно, да? Однако, причина на то была: боевик оказался практически невменяем, словно его напичкали наркотиками: он все время как будто бредил, не отвечал на вопросы, ни ел, ни пил, не ориентировался в пространстве. Но что-то в бреде Чигитова все же заинтересовало нашего... э-э, представителя — и Чигитова спешно переслали в Москву... Ну вот, посмотрим сами.

На экране возникла полутемная ничем не примечательная комната — может даже эта самая: деталей видно не было, потому что камера крупным планом брала главного героя — небритого смуглого мужчину, одетого в темную робу. На вид ему было лет сорок или даже больше. Он то клал перед собой трясущиеся корявые ладони, то сгибался и прятал руки меж колен. И все время раскачивался, раскачивался, раскачивался...

— Мы в горах сидели. Нас прижали... да, сильно прижали. Мы под Кенхи были, в долине, пришлось уйти в горы... Отряд небольшой, пятнадцать бойцов, легко прятались. Ночь в одном урочище, день — в другом. Надо было в Грузию идти, а Шамиль все ждал. — Боевик говорил с сильным акцентом, но бегло, только иногда пугал слова или спотыкался, подыскивая нужные.

— Шамиль — это командир? — глухо спросил кто-то за кадром.

— Да, командир. Деньги ждал, оружие ждал, припасы. Надо было в Грузию идти, а он ждал... Меж собой стали говорить: зря мы тут. Я хотел в Хал-Колой, Рустам хотел в Новый идти. Шамиль знал, что говорят, только все равно не хотел уходить из Чечни. А за нами ОМОН шел. Потом Шамиль сказал: ладно, идем в Грузию. Мы прошли мимо Итум-Кале, дальше можно было долиной идти, но Шамиль повернул в горы. Два дня шли, потом увидели базу в ущелье. Небольшая база, солдат почти нет. Мы полдня следили — только четырех видели. Шамиль сказал: хорошо, парни, давайте возьмем базу. Припасы возьмем, русских постреляем... Рустам умный был, сказал: хорошо, командир,

только давайте еще подождем. Он до утра хотел ждать, он умный был... Только остальные через час сказали: зачем ждать — четыре солдата, возьмем голыми руками. Еще светло было, когда на базу пошли.

— Какой это был день? — спросил голос за кадром.

— Не знаю. Календарь-шмалендарь — это у Шамиля было. Мы просто шли. День идем, ночь — спим. Зачем календарь?

— Значит, вы решили напасть на военную базу.

— Да решили. Рустам говорил...

— Как вы определили, что это военная база?

— Как? Ну... — широкие ладони боевика снова опустились на столешницу. — Там деревня была. Пустая. Только солдаты эти. Еще двух без формы видели, только они не местные, точно, не местные. Шамиль решил: какая-то база или точка. Какая разница, главное, хавчик был, и оружие, и одежда — нам ведь через горы идти, а ночью уже холодно.

— Когда было совершено нападение на базу?

— Шамиль сказал: сейчас шесть тридцать и велел обойти базу кругом. По пять человек с трех сторон. А с четвертой не подойти, там гора. И начинать чтобы в семь. Семь часов было, когда мы нападать стали. Только нас уже ждали. Точно, ждали. Нам разрешили совсем близко подойти. Рустам сказал: я сейчас вон того голыми руками возьму. Хотел солдата связать — тот совсем рядом был. И тут... — Боевик рывком убрал руки со стола, закачался сильнее. — И тут...

— Что произошло? Вы сказали, что вас ждали. Там была засада?

— Да, засада. Нет, не знаю. Там... Там другое... Я глазом моргнул — они повсюду: спереди, сзади, вокруг нас, между нами... Огромные, страшные. Демоны. Выше нас, много выше... Сколько?.. Два метра? Нет, еще выше. Огромные... Такие... как дым...

— Как дом?

— Нет, как дым. Как дым на ветру. Ветер дунул — дым вокруг нас... Они не стреляли. Рвали голыми руками...

На клочки... Рустама схватил один, дернул... руку оторвал... как сухую ветку... Ко мне повернулся. Я стрелял. Только ему ничего не делалось. Это был демон, ангел смерти. Он оставался невредим. А я стрелял, стрелял...

Боевик начал снова впадать в полубоморочное состояние, раскачиваясь и бесконечно повторяя одно и то же.

— Чигитов, как вы спаслись? Слышите: как вы спаслись?

— Да, я спасся. Демон повернулся ко мне. Шагнул. Тут Рустам выстрелил. Дал очередь. В упор. Демон снова к нему повернулся. Я побежал. За мной кричали, от боли кричали. Я узнавал все голоса. Шамиль кричал, Рустам кричал, Асхад кричал. Я не оборачивался. Бежал, бежал, потом шел, потом опять бежал...

— Ну, дальше не так интересно, — Скворцов остановил запись и тут же вывел на экран картинку:

— Это снимки со спутника. Примерное место гибели группы Шамиля мы знали, поэтому быстро вычислили ущелье, где происходил бой. — Скворцов обвел ручкой широкую трещину в горном массиве. — На самом деле ущелье небольшое — километров пять в длину, около километра в ширину, одна сторона отвесная, вторая более пологая. До грузинской границы чуть больше двадцати километров. А селение, о котором говорил Чигитов, находится, по-видимому, здесь, — ручка обвела ничем не примечательный участок снимка. — Точнее не скажешь, потому что, как видишь, на снимке ничего нет. Брали с максимальным увеличением, обрабатывали на компьютерах — бесполезно. Может, дома со стороны и видны, а вот сверху замаскированы основательно. Кстати, никакой базы или опорного пункта у военных в этих местах нет. Чигитова уже несколько раз основательно допрашивали. Как доходит до злополучной атаки, как тут же начинает долдонит одно и то же: демоны, разорвали всех голыми руками. При этом впадает в натуральную истерику. В общем, бред сивой кобылы. Но в свете событий, нам с тобой известных...

— Выходит, «ящик Зарайского» каким-то образом проявился на Кавказе?

Скворцов кивнул.

— Это объясняет и появление неувловимых гостей в Москве: их не надо было создавать на расстоянии, из-за границы. Установка находилась внутри страны. Но где и с кем? Вот вопрос вопросов. — Скворцов поднял палец. — И я предлагаю тебе поучаствовать в поисках ответа.

— То есть?

— Давай говорить откровенно: я на все сто процентов уверен, что ТОГДА ты рассказал мне намного меньше, чем знал. И «ящик Зарайского» тебе известен не только внешне. Не спорь. Мне не нужны доказательства, а тебе не нужно доказывать — суть не в этом. Завтра в Чечню вылетает группа во главе с вашим покорным слугой. И я был бы очень признателен, если бы в ее составе полетел и ты. Собственно, мне и выбирать не из кого — ты у нас единственный на всю страну специалист по «монстрам».

— Если ничего доказывать не нужно, то я бы согласился: как ВОЗМОЖНЫЙ специалист по «монстрам».

— Пусть так. А вторым ВОЗМОЖНЫМ специалистом у нас будет Юхник.

— Юхник в Дубне.

— Уже нет. Час назад он выехал обратно. Какие новости везет — еще не знаем, но в любом случае хороший аналитик нам потребуется.

— У него ребенок...

— И жена — я в курсе. Кирилл, я же не на смерть вас призываю, что ты в самом деле? Никто вас не заставляет скакать по горам с автоматами и уничтожать «монстров». Для скорости полетим на самолете, потом выброска на точке, а там нас будет ждать машина. Дальше — километров пятьдесят с ветерком, в компании лучших спецназовцев «Феникса».

— Отлично, — сказал Кирилл. — Только уточните: что вы понимаете под словом «выброска»?

13.

Группа подобралась боевая: майор Скворцов — двадцать пять прыжков с парашютом, Юхник и Чернов — ноль прыжков.

— В среднем — почти по восемь прыжков на троих, совсем неплохо, — утешил приятелей Скворцов. Юхник делал вид, что дремлет, но при этих словах позволил себе улыбнуться. Кирилл внимательно смотрел в иллюминатор, хотя там, в мутной мгле, ничего не было видно — лишь изредка далеко внизу призрачным миражом выплывало пятно тусклого света, когда самолет пролетал вблизи городов. Бросок из Москвы они совершили на военном самолете, а где-то за Армавиrom, на старом, давно законсервированном поле военного аэродрома их пересадили в кабину АН-74.

Кроме Скворцова и друзей в чреве самолета дремали еще пять бойцов, увешанных оружием, как елки — новогодними игрушками. Изредка косясь на парней, Кирилл не без зависти признавал, что весь «джентльменский набор» размещен на них гораздо более профессионально. Ну так и места для него было побольше: у любого бойца плечи — раза в два шире, чем у Кирилла. Хороших напарников подобрал Скворцов — с такими будет спокойнее, даже если придется попасть в натуральное пекло, к настоящим демонам.

Юхнику, как человеку наиболее ответственному, был доверен комплект приборов, без которых разведка — не разведка. В комплект входили дальномерно-угломерный комплекс (ДУК), инерциальная навигационно-топогеодезическая аппаратура типа «Румб» и модифицированная радиостанция «Арбалет». Время, когда следопыт мог надеяться только на свой глазомер, компас и память, канули в прошлое.

Самолет уже вошел в воздушное пространство Чечни, перевалил невысокий Терский хребет, одолел Сунженский и, оставив где-то под левым крылом Грозный, повернул в сторону Большого Кавказа. Внизу огромными

драконами, выставившими в небо закругленные гребни вершин, разлеглись спящие горы. В глубоких долинах плескались озера мрака.

— Прошли над Сунжей, — прислушавшись к голосу в наушнике, сказал Скворцов и напомнил: — Давайте, ребята, пора.

Друзья достали «таблетки от страха» — средство, снимающее стресс, без которого врачи категорически отказались выпускать новичков в полет. Кирилл храбрился, но проверять степень отваги ему не дали — никаких сбоев в операции быть не могло.

— Гадость, — громогласно объявил Кирилл, демонстративно жуя абсолютно безвкусную пилюлю. Средство должно было подействовать минут через десять.

— Сколько нам еще? — спросил Юхник.

— Минут пятнадцать. Сейчас должны начать снижение.

Это хорошо, подумал Кирилл. Не придется нырять в темноту. Небо за бортом быстро светлело. Самолет, качнув крыльями, вошел в белесый туман — предстояло снизиться до километровой высоты и уже на ней пройти в непосредственной близости от точки выброса.

— Ну вот, скоро мы...

Самолет вдруг трянуло — но не так, как при попадании в воздушную яму. Кирилл вначале не понял, в чем разница, но уже в следующую секунду осознал: после того, как по корпуса прошла крупная дрожь, замолкло гудение моторов.

Спецназовцы мгновенно проснулись, напряглись. А самолет, заваливаясь на бок, косо прошивал слой облаков — уже мертвый, практически неуправляемый кусок металла.

Из кабины управления высунулся второй пилот:

— Нас чем-то зацепили! Все оборудование вырубилось! Прыгайте!

Времени на выяснение причин не было.

— Какая высота?

— Пока — два километра, но...

Один из спецназовцев оттянул в сторону люк и, поймав благословляю-

ший кивок Скворцова, первым рухнул за борт.

— Второй — Кирилл, потом — Азаров с ДУКом и «Арбалетом», следом — Юхник с остальным, Гришин, Требнев, Ощепков, я — замыкающий. Живо, живо!

Один за другим они вываливались в свистящую холодным ветром пустоту и, спустя несколько секунд, все восемь тел неслись навстречу невидимой в рассветных сумерках земле, а самолет почти сразу исчез из вида, заворачивая в сторону предгорий Большого Кавказа.

14.

Жизнь висит на двадцати восьми стропах — говорят десантники. Кирилл в полной мере осознал правдивость этого выражения, мотаясь под распахнутым серым куполом. Горы приближались, ущелья между ними зияли, как распахнутые пасти чудовищ — но какое из них именно то, нужное, Кирилл, конечно, не знал. Ветер сносил десант на северо-запад, в сторону темного леса на краю небольшой глубокой долины.

Земля стремительно приближалась. Кирилл закрутил головой и увидел рядом, метрах в двадцати, парашют Требнева. На инструктаже Скворцов «пристегнул» к каждому штатскому по специалисту. Никто не думал, что придется проводить выброску в форс-мажорных обстоятельствах, но, учитывая, что для штатских прыжок был первым в жизни, Скворцов разумно решил подстраховать новичков. И если бы парашют действительно не раскрылся, Требнев должен был поймать Кирилла и обеспечить спуск на одном парашюте.

Требнев показал Кириллу большой палец — молодец, так держать! — и, чуть потянув стропы, отвел парашют немного дальше, целясь на проглядывающую меж деревьев поляну. Подбодренный, Кирилл снова посмотрел вниз. Кроны деревьев были уже рядом. Кирилл не рискнул маневрировать. Он сгруппировался, как показывал инструктор и, под треск сучьев,

вломился в кроны. Рывок ремней на миг перехватил дыхание, а в следующую секунду Кирилл уже болтался в паре метров от земли.

Нашарив на поясе нож, Кирилл в несколько взмахов перебил натянутые стропы и упал на траву. Не успел он встать на ноги, как чьи-то руки помогли подняться. Это был Требнев. Рядом с ним валялся скомканный парашют.

— Нормально?

— Думал, будет легче, — признался Кирилл.

Требневу откровенность понравилась, он скупо улыбнулся.

— Иди на поляну, — он указал направление, — а я стяну твой купол.

На небольшой полянке уже стоял, широко расставив ноги Скворцов, рядом осторожно поводил стволом АК-Ма Ощепков. Из кустов нетвердой походкой показался Юхник. Он опирался на плечо Гришина и заметно хромал, а, едва оказался на поляне, с тяжелым вздохом осел в траву.

— Кви нимис пропэрэ, минус проспэрэ — кто действует слишком быстро, тот действует неудачно, — пожаловался он. — Вот, ногу подвернул.

— Гришин, разберись с этим минутом, — велел Скворцов.

Юхник принялся расшнуровывать высокий ботинок.

Последними на поляну вышли увешанным оборудованием Азаров и сержант, который нес сумку Юхника.

— Что с Юрием Борисовичем? — спросил Кирилл у Гришина.

— Нормально, — ответил тот, разглядывая лодыжку Юхника. Любили они это словечко «нормально». — Небольшой вывих. Сейчас выправим. Оп!

— Ой, — тихо вскрикнул Юхник.

Местоположение определили без труда: восемнадцать километров до точки. Не так много, даже по горам, но... До обещанной машины и группы сопровождения теперь пролегал путь в семьдесят километров в сторону.

Скворцов присел рядом с Юхником, поманил к себе Кирилла и сержанта.

— Ну что, орлы? Что делать будем? — вполголоса спросил он.

— У нас есть выбор? — поинтересовался Кирилл.

— У моих парней, — Скворцов кивнул в сторону бойцов, — нет. У них приказ. А у вас — да, выбор есть. Мы можем уйти, и вы, скажем, через шесть часов запеленгуетесь, а еще через несколько часов вас отсюда выташат. Ситуация кардинально изменилась, слишком кардинально, и я не могу вас просить...

— Майор, а нас и раньше не нужно было просить, — не выдержал Кирилл.

— То есть? — поднял брови Скворцов.

— То есть, можно, конечно, двинуть речугу о долге и о Родине, но я скажу проще: за мной моя мама, и отец, и Ленка. Они наша Родина, а мы их сейчас защищаем.

Скворцов поднялся на ноги.

— Выступаем через пять минут. Проверьте снаряжение, — и, уже отойдя, добавил. — Спасибо.

15.

Тропинок здесь не было и в помине. Двигались по методу бульдозера, а роль ковша выполняли Ощепков и сержант, у которого, как оказалось, была странноватая фамилия Зосима. Они продирались сквозь заросли, выбирая оптимальный путь, следом шли Кирилл и Юхник, остальные — позади. Уже больше трех часов их окружал буковый лес — типичный для этих мест. Нетолстые — в руку — темные стволы росли густо, словно в незапамятные времена кто-то специально высадил здесь зеленый лабиринт, для большей непроходимости добавив кусты и высокую траву. Уже подвядшая, трава сухими ленточками беспрестанно цеплялась за ботинки, шуршала.

За Юхником шагал Гришин. Юхник то и дело оглядывался, выпрашивая про особенности радиостанции, которую тот нес.

— Станция — для глубокой разведки, — размеренно, в такт шагам выдавал Гришин, — в горах «Барьер» вообще бесценен.

— Вот и я о том же: горы кругом, впадины, ущелья — сплошные экраны для сигнала.

— Да, с мобилами тут проблематично, — соглашался Гришин, — «Барьер» может работать напрямую через спутники: шифрованный сигнал уходит вначале в канцелярию господ бога, а уж оттуда — к тем, кому предназначался. Радиус действия таким образом — свыше трех тысяч километров.

— Хороший охват, — соглашался Юхник.

— Нормально, — подтверждал Гришин. Боец он был суперкрутой, но по возрасту Юхнику годился в сыновья, и внимание старшего ему льстило. Ученый, может даже профессор, а вот поди ты, интересуется... — Еще «Барьер» хорош тем, что компактен...

Зосима, двигавшийся впереди, вдруг поднял руку. Цепочка замерла. Скворцов, замыкавший движение, быстро прошел вперед.

Путь вывел их из леса. Глазам людей открылась широкая низина, сплошь загроможденная камнями и мертвым лесом, словно когда-то здесь обрушился небывалый по силе метеоритный ливень. Остатки деревьев валялись друг на друге, образуя многочисленные завалы. Сухие стволы и ветви торчали из них, словно руки мертвецов в фильме ужасов. Смертью веяло от этой долины.

— Лавина, — прищурился Скворцов. — Вон с той вершины сорвалась. Наверное, года два-три назад.

Широкая полоса, отмечавшая сход лавины, действительно, уже успела зарости травой, а меж «оклемавшимися» деревьями обильно поднималась молодая поросль кустарника.

— Как пойдем, командир?

— Придется обходить, — сокрушенно вздохнул Скворцов. — В этой камнеломке мы будем как вши на лысине: дави — не хоч.

16.

Когда солнце уже клонилось к закату, группа перевалила через невысокий горный отрог и вышла к ущелью, о котором рассказывал боевик.

О близости цели известил приглушенный шум реки, зажатой каменными щеками берегов. По плану группа должна была выйти — точнее, выехать, — совсем с другой, более пологой стороны. Теперь же им предстоял спуск с крутого склона.

Вытянувшись в цепочку по краю обрыва, группа залегла.

В ущелье — метрах в трехстах от них к крутому склону прижалась небольшая деревенька: дома, в основном одноэтажные, сложенные из песчаника и известняка, стояли плотной кучкой.

Кирилл попросил у Скворцова бинокль. Сквозь оптику запустение было еще заметнее. Когда-то дома покрывала побелка, а сейчас известь и глина осыпались кусками, лежали кучками у стен, а сами стены испещряли многочисленные трещины. Окна и двери зияли пустыми проемами. Жители оставили это селение очень давно. Кирилл не заметил поблизости ни одного столба линии электропередачи. Если это действительно база, где производят монстров, то откуда берется энергия?

— Верни, где взял, — протянул руку за биноклем Скворцов. — Азаров!

— По границе поселка, в ста-ста пятидесяти метрах от домов протянут «лазерный забор» в семь ниток. Судя по частоте нитей, «забор» рассчитан на прохождение тел определенного размера.

— Поясни ребятам, — сказал Скворцов, видя, что Кирилл уже открыл рот для вопроса.

— Расстояние между лазерными нитями порядка десяти сантиметров — если пробежит заяц, он замкнет лишь одну нитку, и камеры не включатся. А вот волк замкнет две или три нитки, что приведет к включению видеокамер — для идентификации объекта.

— Значит, еще и камеры... — удрученно сказал Кирилл.

— Ощепков как раз их вычисляет.

Ощепков, расчехлив ДУК, сосредоточенно искал камеры и определял их координаты. Подолгу всматривался, потом, отыскав очередную камеру,

жал кнопку на бинокляре, появлявшееся перекрестие наводил на цель, и нажимал другую кнопку, включающую лазер. Информация тут же откладывалась в памяти ДУКа: угол места, магнитный азимут, дальность. На камеру уходило не меньше десяти минут.

По примеру бойцов Кирилл пристроил ноги на камень так, чтобы они находились немного выше головы.

— Как думаете, — тихо спросил он, — мы из этой передраги выберемся?

— Добро всегда побеждает, — заверил его Юхник.

— Согласен. Только я хотел бы присутствовать при его победе лично.

17.

Южная ночь приходит внезапно. Солнце скрылось за горами, и тотчас же густая тьма окутала местность. К этому времени Ощепков внес в память ДУКа информацию обо всех обнаруженных камерах и составил план «лазерного забора». Была готова и схема селения.

Бойцы вели наблюдение через приборы ночного видения.

— Есть! — шепотом доложил Зосима. — Третий двухэтажный!

Взгляды всех тотчас же сошлись на проулочке рядом с полуразвалившимся двухэтажным домом: из дверей появились два человека. Крепкие, приземистые, одетые в камуфляж, они мало походили на монстров, каких описывал боевик. Скорее всего, это были просто охранники, что и подтвердилось, когда один из них закурил и протянул пачку приятелю. Никакой маскировки...

— Обрати внимание на дверь. Ее расширяли в высоту, — прошептал сбоку Юхник. — Интересно, зачем?

— Миша, трубу! — приказал Скворцов.

Зосима уже и без приказа водрузил себе на плечо направленный микрофон и «прицелился» — с его помощью прослушались разговоры на расстоянии в километр, тут же было намного меньше. Мешал неумный шум ре-

ки, но электронные фильтры отсеивали лишние звуки.

— Что там?

— Обычный треп: отлить надо... какой-то Рустам заныкал бутылку виски... скоро менять часовых... Так, а это уже интереснее. Один сказал: надоело все до... этой самой матери... А второй: еще день-другой и все кончится. Первый: да-а, ты в Грузию вернешься, а у меня еще контракт на три месяца. Второй: зато потом купишь квартиру на Рублевке, баб будешь каждый день менять...

— Что еще по делу?

— Пока ничего. Описывает прелести будущей жизни.

Фигуры, продолжая курить, отошли за угол дома.

— Что там, сержант? — не утерпел Скворцов.

— Нужду справляют, — послушно прокомментировал Зосима.

Охранники снова возникли в поле видимости.

— Один говорит: хорошо, что старший не приказал прочесать лес после того, как самолет упал. Это они про нас, сволочи. Говорит: слишком далеко от базы гикнулись, к тому же это был транспортник. А второй: Рамзан бы заставил. Первый: Хорошо, что он улетел за Эдиком.

Охранники скрылись в здании.

— Стоп, — сказал Зосима. — Слышу легкий скрежет и... как вздох. Похоже, там пневматика.

— Люк?

— Опять вздох, шлепок... Да, скорее всего.

— Подземный бункер? Теперь понятно, почему кругом ни души.

— Майор, — вдруг насторожился Кирилл. — Он что, сказал: за Эдиком?

— Ну, Эдилов по стране — как Артуров и Константинов — не через край, но достаточно много. Меня другое озаботило: охранник сказал, что за Эдиком улетели. Получается, у них есть вертолет. Если есть вертолет, значит, его полеты на территории России могли засечь. А раз не засекли, то использовали его для полетов в Грузию.

— Но вертолет не иголка.

— Вертолет мог быть почти неви-

димым, — вступил в разговор Юхник.

— То есть?

— Энергетические поля, формирующие монстров, могут успешно преобразовываться в любые объекты. Почему не вертолет? А поля «в чистом виде» невидимы, цвет — это примета материальных предметов.

— Ну а...

— А если это возможно в принципе, то все остальное уже детали — если вы имеете в виду пилота и пассажиров, которые невидимыми стать не могут.

— Верно, — пробормотал Скворцов.

— Так что, сдастся мне, что-то нарекает, — резюмировал Юхник.

18.

Требовалось дожидаться утра. Для внезапной атаки ночь, конечно, идеальное время, но соваться в подземелья, не зная, что там ожидает?..

За ночь на поверхность еще несколько раз поднимались охранники. Судя по голосам, уже другие. Выходило, что на базе обитало — не считая монстров — как минимум шесть человек. Для бойцов Скворцова — семечки. Но вот что делать с монстрами? Видимо, придется все же, разведав обстановку, вызывать подкрепление. Сколько потребуются времени спешназу, чтобы добраться сюда? Часа два-три, не меньше. И в эти часы его, Скворцовской группе, придется вести бой. Но другого выхода пока не выдилось.

Ночь оказалась не холодной: заморозки приходят сюда позднее. Оставшиеся до рассвета часы провели, прижавшись друг к другу и укрывшись спецплащами.

Кириллу было неудобно, сон никак не шел, он таращился в небо и очень удивился, когда кто-то крепко встряхнул за плечо.

Это был Юхник, а вокруг ползли последние холодные ленты тумана. Значит, все-таки заснул... Бойцы уже заняли свои места по краю обрыва.

— Что случилось?

Впрочем, мог бы и не спрашивать:

все и так было видно. На окраине поселка, на небольшой каменной косе, образованной изгибом реки, толклись, переговариваясь меж собой, увешанные оружием люди в камуфляже.

– «Забор» отключили, – сообщил Юхник.

– Тс-с... – шикнул на него Скворцов. – Слушайте.

Где-то за скалами возникло тихое стрекотание и спустя полминуты переросло в рокот, многократно отраженный от стен ущелья. Двигался звук, но его источника видно не было. И только когда рокот сгруппировался над косой, Кирилл различил на фоне скал небольшое туманное пятно. Охранники засуетились, выстраиваясь в неровную шеренгу. Пятно приблизилось к земле и вдруг превратилось в трех людей, спрыгнувших на влажную каменную россыпь.

– Опаньки! – сказал Кирилл.

Высокого сухощавого восточного типа кривоносого мужика он видел в первый раз, второго, малоприметного толстячка средних лет с остатками армейской выправки тоже не знал, а вот третий тип был Кириллу даже слишком хорошо знаком. Бледное остроносое лицо альбиноса, гладко прилизанные рыжеватые волосы, бледно-голубые глаза, настороженно обшаривающие местность... И, конечно, пестрая, в немислимых цветах теплая куртка – Рукояткин как натура артистичная любил одеваться ярко.

19.

Рукояткин держался по-хозяйски. Видимо, здесь он был если не первой, то одной из первых фигур. Приветственно махнув ладошкой встречающим, он, вместе с «военным» пошел-попрыгал вверх по склону к селению. Кривоносый отстал, что-то втолковывая окружившим его охранникам.

– Его спрашивают, почему не прилетели хозяева, – тут же начал докладывать Зосима, взяв на изготовку микрофон. – Тот отвечает, что, видимо, решили не рисковать. Прислали в качестве наблюдателя Рубика.

– То-то я смотрю, мне его лицо знакомо, – просветлел Скворцов и пояснил друзьям. – Рубик, Рубен Джинджарадзе, член совета директоров концерна «Орион», подполковник в отставке. Одно время мы его вели – подозревали в торговле оружием, но он слишком хорошо заметал следы. Номинально отвечает за работу службы безопасности концерна. А генеральный директор «Ориона» входит в десятку самых богатых людей России. Прокуратура считает его реальным претендентом для очередного процесса над олигархами...

– Его спрашивают: что с деньгами. Привез, всем привез, говорит кривоносый. Никого не обделим.

Рукояткин и «военный», а следом и все остальные, потянулись в сторону широкой каменной осыпи – когда-то здесь обвалилась часть скалы и перегородила ущелье на треть.

– Не молчи, Мишенька, диктуй, – поторопил Скворцов сержанта.

– Да они пока о ерунде базарят. Как долетели, как границу прошли... Вот: который молодой, пестренький...

– Называй его Рукояткин.

– Понял. Рукояткин говорит: демонстрацию проведем здесь, ущелье – идеальное место. Жалко, что не прилетели САМИ. Военный, – Зосима тоже безошибочно опознал в незнакомце военного, – отвечает, что у Марата Степановича сейчас затруднительное положение, и Москву он покинуть не может. К тому же следует подготовить политическую базу под будущие события, а это требует личного участия. Я думаю, говорит военный, что моего мнения для принятия решения будет достаточно. Рукояткин соглашается.

Кто-то из охранников уже притащил и расставил несколько раскладных стульев – в ряд параллельно обрыву, так, что по левую руку оказалась насыпь, а по правую – селение. Троица расселась на стулья, охранники толкались на почтительном расстоянии.

– Рукояткин спрашивает: можно ли начинать. Военный соглашается.

Угол зрению с гребня скалы был

не слишком удачным, но Кирилл отчетливо увидел, как Рукояткин извлек из внутреннего кармана пиджака что-то, напоминающее пульт от телевизора, нажал кнопку.

И тут началось...

20.

— Шум из третьего двухэтажного, — доложил Зосима. Все перевели бинокли туда, и Кирилл едва сдержался, чтобы не выругаться. Вот оно, вот!

Из дверного проема — вот для чего расширяли дверь! — один за другим выходили необычно высокие существа. Высотой в два с половиной метра, они были наделены всеми чертами человека — и в то же время у Кирилла язык не поворачивался назвать их людьми: так необычайно они выглядели. Существа были одеты в серо-голубые пластинчатые доспехи, так плотно лежавшие на теле, что казалось — это чешуя. Спины укрывали длинные плащи с капюшонами, сейчас откинутыми. На широких плечах лежали массивные шипастые пластины, мускулистые руки до самых запястий тоже покрывали спирали брони, а головы венчали крылатые шлемы с небольшими острыми гребнями. Но не вид существ, от которого так и веяло мощью, привлекал внимание, а лица. Одинаковые, словно вылепленные по одному образцу, они сразу же показались Кириллу странно знакомыми. А в следующий миг он понял, где их видел: на картинах художника Константина Васильева. Трагически погибший много лет назад, он оставил после себя много удивительных по красоте и силе работ на исторические и мифологические темы. Так вот, у вышедших на свет монстров были лица Васильевских богатырей — точные, суровые, мужественные и... прекрасные. Кирилл готов был увидеть обвешанных оружием чудовищ — но оказался не готов встретиться с такими... благородными, что ли?.. созданиями.

— Вот это да... — прошептал кто-то из спецназовцев.

Три великана-богатыря прошест-

вовали — почти проплыли — к насыпи и остановились, выстроившись лицом к гостям. Не сумев сдержать эмоций, военный вначале привстал со стула, потом просто вскочил и побежал к строю. Как работорговец, совершающий покупку, он завертелся вокруг гигантов, тыча пальцем в броню, заглядывая в глаза, заставляя сжимать и разжимать пальцы.

— Говорит: это нечто особенное, — подал голос Зосима. — Хочет посмотреть их в деле.

Кирилл видел, как Эдик демонстративно хлопнул в ладоши. Все, как по команде, повернулись в сторону селения, и Кирилл, переведя бинокль туда, увидел то, что они, увлеченные зрелищем, пропустили: оттуда шли двое охранников, толкая перед собой трех связанных вместе чеченцев. Это были крепкие, совсем не истощенные люди, одетые, правда, в какие-то лохмотья, в которых с трудом узнавалась замызганная, рваная камуфляжка.

— Вот сволочи, — сказал Зосима, первым понявший, что к чему.

— Так, — внезапно принял решение Скворцов. — Я, Юрий Борисович и Требнев идем внутрь. Это единственный шанс проникнуть туда: «забор» отключен, большинство бандитов — если не все — снаружи. Азаров, сними камеры.

— Будет сделано, — Азаров накрутил на дуло автомата глушитель, подтянул к себе ДУК, в котором хранились отмеченные накануне точки расположения камер. Не прошло и минуты, как четырежды тихонько хлопнули автоматные выстрелы. — Готово, командир: на нашей стороне чисто.

— Зосима — за старшего, — громко сказал Скворцов, но тут же, наклонясь к сержанту, что-то шепнул ему на ухо. Маленькая группа исчезла, уходя в сторону замеченного чуть раньше спуска в сторону селения.

Тем временем чеченцы — это были боевики из разгромленного отряда Шамиля — остановились неподалеку от реки.

— Рукояткин говорит: сейчас вас развяжут. — Зосима продолжал «пере-

вод» для всех, но обращался почему-то к Кириллу. — У каждого будет по десять секунд форы. Стрелять в спину никто не будет. Если, говорит, сумеете убежать, то идите на все четыре стороны.

Один из пленников вдруг упал на колени, ткнулся лбом в камни. Не обращая внимания на впавшего в истерику боевика, двое охранников развязали пленных и поспешно отошли в сторону — похоже, что рядом с гигантами они чувствовали себя не слишком комфортно.

— Рукояткин говорит военному: посмотри, дескать, хорошенько. Мы этих уродов кормили как на убой, выгуливали, заставляли заниматься спортом. Сейчас они находятся в лучшей форме, чем тогда, когда попали к нам. А теперь он обращается к пленным: итак, сейчас я начну отсчет. Если хотите жить, приготовьтесь. На старт... внимание... марш!

Двое тут же сорвались с места. Один бросился в воду. Высоко задирая ноги, взметывая веер брызг, он вломился в быструю речную струю. Боевик добежал почти до середины речки, прежде чем течение сбило и понесло его. Девять, восемь...

Второй кинулся вдоль реки вглубь ущелья. Наверное, он неплохо знал местные края, потому что там, на западе, насколько Кирилл помнил карту, из ущелья наверх вела еще одна, очень крутая старая тропа. Подняться по ней было трудно, зато легко можно было устроить засаду, сбросив под ноги преследователям валуны. Семь, шесть, пять...

Третий так и остался на берегу, стоя на коленях и обречено раскачиваясь из стороны в сторону. Четыре, три, два...

Кирилл всмотрелся: где же Скворцов? Он должен был уже начать спуск. Но в пестроте камней и зелени кустов ничего нельзя было различить. Один...

Кирилл перевел бинокль на берег. Ноль!..

Безучастно замершие гиганты вдруг ожили. Словно вихрь они бросились вперед, каждый за своей жерт-

вой. Первым на их пути оказался забившийся в истерику чеченец. Гигант подхватил боевика, поднял перед собой на вытянутых руках, развернулся лицом к наблюдающим и... легко, как лист бумаги разорвал на части. В разные стороны полетели ошметки мяса, фонтаном ударила кровь — а гигант, как ни в чем ни бывало, вновь застыл на месте.

Второй устремился по берегу за пловцом. Того унесло уже далеко, но гигант без особого труда догнал уплывающего и, не замедляя скорости, кинулся в реку. Словно акула настигла беглеца: острым гребнем шлема он вспорол бок пловцу, подбросил вверх и ладонями, будто мечом, разрубил пополам.

Третий легко обогнал свою жертву и встал на пути. Боевик попытался оббежать гиганта, делал обманные выпады, но тот неизменно оказывался перед ним. Вдруг гигант резко выбросил вперед руку, его пальцы вспорол беглецу предплечье. Удар отбросил чеченца назад, а гигант шагнул к нему и ударил вновь — теперь уже в левое предплечье. Снова, будто от лезвия ножа, брызнула кровь. Так, методично нанося рану за раной, гигант теснил пленника обратно к «трибунам», где в напряженном ожидании застыли зрители. Когда преследователь и беглец поравнялись с «трибунами», гигант таким же точным, как и прежде, движением выбросил вперед руку, а когда она в следующую секунду взметнулась вверх, стальные пальцы сжимали окровавленный лоскут сердца. Боевик зашатался, словно тряпичная кукла, и рухнул на камни.

— Что он говорит? — спросил Кирилл, видевший, как улыбающийся Эдик повернулся к военному.

— Он... — Зосима встрепенулся, — Он говорит: а сейчас мы покажем, что мои гвардейцы могут делать с оружием.

Прозвучала команда, и в окровавленных руках гигантов мгновенно возникли автоматы — они были спрятаны под плащами. Веер пуль унесся к каменной насыпи, разбивая в щепки возникшие из-под завала мишени.

Следом приглушенно ахнули подствольные гранатометы.

Эхо еще гуляло по ущелью, а автоматы вновь исчезли.

— Рукояткин говорит: ну вот, вы убедились в боевых способностях гвардейцев, а теперь извольте понаблюдать за второй частью.

Эдик поколдовал с пультом, а потом жестом фокусника взмахнул рукой. Снова все повернулись в сторону селения.

Из ворот ветхого дома, как из врат ада, один за другим выходили новые солдаты. Они были ниже стоявших на берегу — «всего» метра два или чуть больше ростом, а тела охватывала темно-малиновые пластинчатые кольчуги. Головы воинов защищали круглые, плотно прилегающие каски с козырьком и широкими нашечниками. Свое оружие — гибрид электрического пулемета с гранатометом — они несли открыто.

Красных гвардейцев оказалось три десятка. Промаршировав по берегу, они выстроились в три колонны, по десять за каждым серо-голубым. «В чешуе, как жар горя, тридцать три богатыря...» — не к месту вспомнил Кирилл.

— А теперь, говорит Рукояткин, собственно то, ради чего затевался весь этот сыр-бор. Воевать могли и предыдущие модели. Но они действовали строго в рамках программы. Для того, чтобы эффективно управлять большой армией таких солдат, нужно иметь или большое количество хорошо подготовленных единомышленников, или... паузу держит, стервец... или создать командиров, способных самостоятельно принимать решения. На электронном уровне решить проблему самосовершенствования машины оказалось невозможным — на современном этапе, по крайней мере. Использование полей кардинально меняет ситуацию, и теперь перед нами — беззаветно преданные нам существа, которые, в свою очередь, могут не только подчиняться, но и отдавать приказы другим — в том числе и людям, если придется. Сейчас, говорит он, мы устроим здесь небольшие ма-

невры, и вы, господа, увидите, что у моих гвардейцев есть великолепные командирские навыки! Фу! — перевел дыхание Зосима. — Болтать здоров, сволочь!

Там, в ущелье, три отделения быстрым шагом стали расходиться в разные стороны.

21.

— Военный спрашивает: на кой черт Эдик придал лицам солдат библейское благородство — какая разница, какие у них физиономии? — продолжил свой перевод Зосима. — Предыдущая серия выглядела намного более устрашающе: рога, клыки, куча оружия. От одного вида можно было обделаться. А Рукояткин смеется: обделываться, говорит, нужно в сортире, а не на улице. Если новый строй хочет, чтобы его уважали, волю властелинов должны нести благородные воины, полубоги, а не черти. Страшать — дело нехитрое. Нужно, чтобы преклонялись. У нас же православная страна. Кто-нибудь пустит слух, что ваши солдаты — воинство Антихриста и все, амба, бей врага Господня! А тут, говорит, представьте: въезжаете вы в престольную на белом коне, а вокруг вас ангельское воинство с сияющими ликами... Даже если служишь Сатане, всегда выгодно говорить, что помогаешь Богу. Сучара, — добавил Зосима от себя. — Они что же, всерьез хотят переворот устроить?

— Серьезнее не бывает, — мрачно подтвердил Кирилл.

Три отряда разошлись на расстояние около полукилометра и начали занимать позиции. Эдик не вмешивался в процесс, с видимым удовольствием наблюдая за тем, как отдают команды его серо-голубые командиры. Красные стремительно окапывались, на берегу возникали линии обороны из окопов, каменных брустверов, самодельных дотов.

— Да, — сказал вдруг совсем другим голосом Зосима. — Понял.

Он повернулся к Кириллу:

— Старший передает: концерт продолжается. Из галерки нас просят в

партер: профессор разблокировал люк в бункер, выдвигаемся за ними следом.

Не ожидая начала сражения, группа начала осторожный спуск к селению.

Когда-то по этой тропе гоняли скот к лугам, но сейчас, многие годы спустя, дорога, выбитая сотнями пар ног и тысячами копыт, выражаясь языком былин, основательно «заколдобила». По сути, теперь это была узкая терраска, полого спускающаяся в ущелье.

Кусты хорошо маскировали группу, в то же время приходилось быть внимательным, чтобы резким движением ветвей не выдать своего положения. Зосима двигался впереди, иногда знаком показывая, на что следует обратить внимание идущим следом, или придерживая осторожно отведенную ветвь.

Наконец группа оказалась на каменном ложе ущелья. Держась отвесной стены, Зосима повел группу к селению. Сердце Кирилла бешено колотилось, ему казалось, что вот-вот из-за дома появится случайный охранник, или вдруг заверещит-завоет сирена, и вся орда монстров, бросив военные игры, кинется истреблять незваных гостей. А как они это делают, Кирилл уже имел возможность лицезреть.

Стрельба вспыхнула на самом деле — сухо затрещали автоматные очереди, громыхнул взрыв гранаты: война на берегу началась.

Зосима, оглянувшись на свою группу, кивнул: пора! Резким броском они одолели пятьдесят метров до ближайшего дома, вжались в шершавые камни. Пробравшись до угла, Зосима выглянул — чисто! — и тут же кинулся под прикрытие соседнего дома. Так они оказались около двухэтажной полуразвалившейся башни и нырнули в дверной проем.

Обширная комната первого этажа когда-то служила подсобным помещением. Свет из небольшого окна и дверей озарял пустой прямоугольник пола с кучей мусора там, где когда-то была лестница на второй этаж. Теперь

от нее остался верхний пролет, зависший обломанным краем над пустотой. Часть потолка обвалилась, и в дыру был виден голубой краешек неба.

В центре комнаты, выступая из земли на полметра, высилось бетонное кольцо, закрытое стальным, выкрашенным в грязно-зеленый цвет люком. Люк был приоткрыт.

Под ним оказался вертикальный колодец наподобие канализационного. Скобы-ступеньки уходили метров на пять вниз. Оттуда, со дна, на бойцов смотрел Юхник.

— Быстрее, ребята, быстрее!

Колодец продолжался коротким — в три метра — коридорчиком, который упирался в еще один металлический люк, уже открытый. За люком было помещение, напоминающее шлюзовую камеру. Здесь стояли, замерев Скворцов со товарищи.

— Дальше не проходили, — прошептал он. — Сомневаюсь, что удастся сделать это бесшумно: наверняка, гады, камер на каждом углу натыкали. Поэтому будем действовать без соблюдения правил приличия. Как, бойцы?

Бойцы хмуро улыбнулись. Было в этих молчаливых спецназовцах что-то от скандинавских берсерков: может, их постоянная готовность к бою и возможной гибели — и убежденность в том, что иначе быть не может?

— Вам, господа ученые, специальное предложение: держаться друг друга, а всем вместе — за спинами ребят. Задача номер один: обнаружить станцию производства монстров. Задача номер два: найти источник энергии. Задача номер три: уничтожить все с чертовой матери за исключением того, что нам нужно.

— А что нам нужно? — поинтересовался Кирилл.

— А вот это вы с Юрием Борисовичем и должны определить. Схемы, программное обеспечение, прочее. Ну что, готовы?

— Убьем их всех! — кровожадно оскалился Кирилл.

И люк открылся.

22.

Спецназовцы бесшумно ворвались в длинный просторный коридор, под небольшим углом уходящий вниз и озаренный многочисленными лампами дневного света. На входе действительно стояли видеокамеры, объективы которых тут же приказали долго жить. Миновав коридор, Зосима и Требнев ввалились в небольшую комнату. Хлопнул выстрел. Когда Кирилл оказался в комнате, он увидел молодого кучерявого охранника с дыркой во лбу, распластавшегося в высоком кресле за столом. Требнев оседлал второго и спутывал вывернутые назад руки. Стена перед столом была сверху донизу выложена — как плитами — экранами мониторов. Почти все они были отключены, но три продолжали гореть: на них шло изображение с камер, обращенных в сторону реки. На экранах разворачивалось кровопролитное сражение. Вспухали облака взрывов, летели комья земли, осколки камней, фонтанами вставала вода. Среди всего этого ада призраками мелькали красные силуэты гвардейцев. Одна же из камер постоянно показывала «трибуны» — видимо на предмет того, чтобы быть в курсе, когда господа прекратят показательные бои и соизволят спуститься под землю.

Юхник развернул к себе ноутбук, стоявший на столе, и воззрился на экран.

— Повозиться придется, — как настоящий ученый вздохнул он. Скворцов заглянул на экран:

— Пароль? Сейчас будет, — как настоящий военный сказал он. Пленного охранника перевернули лицом вверх.

— Привет, — выказал вежливость Скворцов. — Сотрудничать будем, или... — он выразительно покосился на вольготно раскинувшегося в кресле мертвеца.

— Будем, — выдохнул охранник.

— Тогда отвечаем быстро и честно — на длинные беседы у нас времени нет. Пароль?

— «Держава».

Юхник постучал по клавишам и кивнул.

— Спасибо. Едем дальше. Сколько человек сейчас на базе?

— Не знаю. Кажется, восемь. И у реактора эти... гвардейцы.

— Где? — переспросил Скворцов, выразительно переглянувшись с Кириллом.

— У реактора. На четвертом горизонте.

— Это где? — снова спросил Скворцов, но Юхник перебил:

— Не надо, схема есть.

На экране ноутбука возникла объемная схема подземелий. Кирилл присвистнул: он ожидал увидеть несколько комнаток, соединенных коридорчиками, а вместо этого взору предстала шестиуровневая система с десятками комнат и залов, сплетенная воедино многокилометровой системой коридоров.

— Да-а, наворочено... — не без восхищения отметил Скворцов. — Кто все это наворотил?

— Роботы, — ответил с пола охранник. — Мы гвардейцев роботами зовем. Их босс откуда-то привез. Вначале их тут больше сотни было. Вместо рук — отбойные молотки, лопаты, инструменты разные. Они вертикальный колодец пробрили. На дне реактор установили, запустили, а потом колодец сверху, замуровали, а сами пошли вести ходы во все стороны.

— А все остальное: материалы, вещи — из Грузии привозили, или из России?

— Мамою клянусь: ничего не привозили, все тут делали. Не знаю как, только все здесь, до последнего винтика.

— Машина желаний, как у Стругацких, — пробормотал Юхник. — Эдик привез сюда «ящик Зарайского». Это, наверно, не так сложно: «ящик» можно было замаскировать, скажем, под медицинское оборудование и провести в составе миротворческой миссии. Сложнее с ядерным топливом, но капсулы с обогащенным ураном тоже можно доставить.

— Что верно, то верно, — согласился Скворцов. — А когда реактор зара-

ботал, все остальные проблемы отпали: делай все, что заблагорассудится. Надо тысячу рабочих – на тебе тысячу рабочих. Надо бетон – хоть миллион кубометров из ничего, из воздуха.

– Только ради чего Эдику лезть в Россию?

– Деньги, власть – ради этого и не такие люди рисковали. А это что? – Скворцов указал на сиреневую точку в одном из коридоров.

– Это отметки положения персо-

нала. У всех браслеты, типа часов. Босс приказал все время носить. Сиреневые точки – это люди, красные – роботы.

Сиреневых точек было семь, а сколько красных, Скворцов сосчитать не смог: на третьем уровне имелись четыре обширные комнаты, пространство которых было, словно сыпью, покрыто красными точками.

– У вас там что, склад?

– Нет, – быстро ответил охран-

ник. — Это инкубаторы. Там роботы вылупляются — ну, я не знаю как, в общем, появляются на свет. И хранятся тоже там.

— Понятно... Требнев, Гришин и Юрий Борисович — возьмите на себя реактор. Мы с Кириллом поищем систему контроля над гвардией. Азаров — к мониторам и на постоянную связь с остальными. Разберешься?

Азаров прищурился на массивный блок видеорегистратора.

— Думаю, да.

— Ощепков, Зосима — прочесать уровни. К инкубаторам не лезьте ни в коем случае.

— Пленных?

— Не ст?ит.

— Ясно.

— Что «не ст?ит»? — спросил Кирилл, когда они вышли из комнаты.

— Пленных брать не стоит. Ну, что ты на меня уставился? У меня тоже свои принципы. Пришедший к нам с мечом да погибнет от меча. Ты же сам только что орал: «Убьем их всех!»

— Это из кино.

— А это — жизнь.

23.

Судя по схеме, центр базы — гроздь из нескольких комнат, размещенных на разных уровнях, но соединенных меж собой отдельными изолированными проходами, — находился между третьим и пятым горизонтами. Скворцов и Кирилл бежали по бесконечным переходам, разделенным массивными люками. Тяжело вздыхала пневматика, нехотя отодвигая «стальные» пластины, и не верилось, что этот металл — не что иное, как сгруппированные особым образом поля, «сцементированные» энергетической подпиткой. Отключи энергию — и через день-другой сталь истончится, бетон начнет растворяться, пластик, покрывающий стены исчезнет, и все это великолепие обрушится.

Внезапно из-за угла вынырнул человек в темно-синем комбинезоне. Его взгляд равнодушно скользнул по фигурам в камуфляже — и только спустя секунду человек понял, что перед

ним чужие. Он метнулся назад, но Скворцов был быстрее: легко подскочил беглеца и торцом ладони крепко приложился к затылку. Ойкнув, человек затих.

— Вот незадача, — сокрушенно бормотал Скворцов, затаскивая тело в ближайшую комнату. Комната оказалась жилой: две кровати, две тумбочки, шкаф, кондиционер — не слишком роскошно, но для диких гор — более чем... Скворцов вынул из кармана маленький шприц и вогнал иглу прямо сквозь воротник в шею.

— Пару часов повалается — а там посмотрим.

Все-таки, несмотря на кровожадные речи, Скворцов был гуманистом.

Тут в коридоре прозвучала автоматная очередь. Вылетев из комнаты, Скворцов столкнулись с Кириллом.

— Там — гвардеец!

Скворцов выглянул из-за угла, и пуля тотчас же прошла рядом с макушкой.

— Черт... Стоит прямо у входа. Сейчас мы его... — перекинув автомат Кириллу, он выхватил из специальных подсумков две гранаты. Раз, два... На счет «три» гранаты полетели в цель, на счет «четыре» — взорвались в воздухе, прямо перед грудью гвардейца. Когда троица выглянула в коридор снова, на месте гвардейца валялось несколько бесформенных кусков. Цельными остались лишь ноги до колен.

За люком, который охранял гвардеец, открылся обширный зал, оформленный в сиреневых тонах. По центру шел большой круглый стол из фиолетового пластика, уставленный десятками мониторов, на стенах светились электронные карты: Чечня крупным планом, Россия, европейские страны. По карте России проходила крутая синусоида.

— Вы будете смеяться, но у них есть свой спутник, — удивленно бормотал Скворцов, разглядывая карту. — С размахом действуют, стервец. Ну что, все богатства Сиреневого зала в вашем распоряжении. Дерзайте.

— Приступим, — Кирилл закинул за плечо автомат и... замер. Из дальне-

го угла зала, из-за высокого компьютерного блока на него смотрело дуло пулемета.

— Товарищ майор, — осторожно поднимая руки, сказал Кирилл, — похоже, нам хана.

— Ты об этом? — поинтересовался Скворцов. Кирилл аккуратно, как фарфоровую, повернул голову. Скворцов уже стоял, задрал руки в гору. Из другого угла на него смотрело дуло второго пулемета. Взгляд вышедшего из тени серо-синего гиганта не предвещал ничего доброго.

— Нет, я про другое, — уточнил Кирилл.

— Влипли, — констатировал Скворцов.

— Майор, а если и у них по отношению к нам тоже приказ «не стоит»?

24.

В это время группа Юхника прошла три горизонта и вышла на четвертый. Одиноким охранником сдуру попытался остановить их — и остался где-то позади, изрешеченный пулями.

Вновь взглянув на схему, наспех перерисованную с экрана ноутбука, Юхник понял, что они практически достигли зоны реактора. Теперь от цели их отделял лишь последний бронированный люк, шлюзовой тамбур — и...

— Люк заблокирован изнутри, — определил Юхник. — Вы сможете что-нибудь сделать?

— Сей момент, Юрий Борисович, — откликнулся Гришин. Он извлек из своего подсмуга футляр, а из него, в свою очередь, брусочки сероватого вещества.

— Пластид, — дружелюбно пояснил он, вдавливая брусочки по периметру люка. — Спрячьтесь за угол, пожалуйста.

Грохот потряс коридор. Дверь сорвало, как пробку, и отбросило на несколько метров. Не дожидаясь, когда осядет цементная пыль, в образовавшийся пролом кинулся Требнев, следом — Гришин. Только мгновенная заминка и спасла ему жизнь — из облака пыли вылетел веер пуль. Броне-

жилет принял на себя часть, но сразу несколько пуль попали в шею и лицо... Требнев молча завалился на бок. Гришин с колена послал в цементную круговерть длинную очередь. Раздался вопль боли и ярости, кто-то упал. Перекатившись к противоположной стене, он выстрелил под другим углом. И тут же из развороченной шлюзовой камеры вынырнул закованный в мерцающую алую броню еще не полностью сформированный гвардеец. Автоматная очередь прошла его наискосок, пули разворотили грудь и правое предплечье, но под полупрозрачной броней уже крутились энергетические вихри, стягивая израненную плоть. Безучастно взглянув на Юхника, замершего над упавшим Требневым, гвардеец ребром левой руки нанес сокрушительный удар по спецназовцу. Гришин успел отстраниться, и все равно его отбросило на стену. Потеряв сознание, он бессильно распластался, оседая на пол. Гвардеец занес руку для второго, теперь уже явно смертельного удара...

— Не-ет! Не смей! — яростно закричал Юхник, вскакивая. Он понимал, что через секунду и его настигнет безжалостная смерть, но не собирался бежать, искать спасения. Обжигающая волна небывалой ярости, взметнувшаяся в душе, поднялась, затопила всю сущность, — и выплеснулась вовне. Его пальцы бесполезно давили на курок — поставленный на предохранитель автомат молчал, а Юхник не понимал, что нужно еще сделать, чтобы уничтожить этого врага, уничтожить раньше, чем он сможет что-либо сделать Гришину. — Не смей!

Гигант замер, потом медленно повернулся к Юхнику и... опустил руки. Внутри его продолжали клочкотать вихри, наращивая броню, она уже почти не просвечивала, обретая вид настоящего металла, и черты лица — полубога, как говорил Эдик — уже практически сформировались... Чего же он ждал? Почему не нанес смертельный удар? Ведь Юхник видел, как легко расправляются гвардейцы с врагами.

— Чего ты ждешь? — прошептал Юхник глядя в пустые глаза воина.

То, что он услышал, потрясло его не меньше, чем предыдущие события.

— Ваших приказаний, — внятно пророкотал гвардеец.

25.

Где-то далеко под землей громыхнул взрыв, вздрогнул пол: ребята действовали от души. Азаров перевел взгляд на мониторы западного сектора и выругался: военные игры закончились. Оставшиеся в живых гвардейцы — двое серо-голубых и с дюжину красных — сошлись к «трибуне». Судя по тому, как вдохновенно военный тряс руку Эдику, гвардия оказала самое благоприятное впечатление на «приемщиков товара». Оживленно о чем-то переговариваясь, Эдик и военный направились в сторону селения. Кривоносый построил охранников и двинулся следом. Замыкали шествие гвардейцы. Хотелось бы сказать, что после почти часового боя у них был потрепанный вид — да не скажешь: тех, у кого повреждения были значительными, братья по оружию просто-напросто располосовали на куски мечами, а оставшиеся выглядели бодрыми и свежими. И готовыми снова вступить в бой.

— Чтоб у вас батарейки сели... — сердито пробормотал Азаров.

Он поднял на ноги связанного охранника, усадил в кресло и накрепко скотчем прикрутил ноги к ножкам кресла.

— Тебя как зовут?

— Рифат.

— Хорошо. А теперь, прежде чем я развяжу тебе руки, Рифат, ты посиди и внимательно послушай...

Когда важные гости спустились в подземелье, охранник, оторвавшись от экранов, встал как положено и отдал честь вошедшим. Они, полные достоинства, прошествовали мимо.

Сидя в тесной подсобке и придерживая спиной тяжелое тело мертвеца, Азаров через дополнительный монитор наблюдал за тем, что происходит на пункте слежения. За те пятнадцать минут, что отвела на всё про всё скряга-судьба, он успел убрать труп, при-

тащить в подсобку монитор и переключить на него телекамеру. Успел Азаров и еще кое-что.

— Если ты, друг Рифат, выкнешь лишнего, — объяснил он без обиняков, — то на этот случай у меня есть коробочка с красной кнопкой. Нажимаю кнопку — и под твоей задницей происходит взрыв. Достаточный для того, чтобы размазать тебя по стенкам. Понял?

Охранник понял.

Азаров слышал, как по коридору мимо подсобки уверенно, по-хозяйски ступая, прошли гости. А пункт слежения уже заполняли пятнистые комбинезоны возбужденных охранников. Первые прошли не задерживаясь, потому что сзади напирали другие, а вот кривоносый мимо не прошел, протолкался к столу, что-то спросил, кивая на мониторы.

— Извини, друг Рифат, иногда приходится обманывать, — прошептал Азаров, нажимая кнопку.

Удар был такой, словно его посадили в картонную коробку и сбросили со второго этажа.

— Все равно придется стрелять, — зло процедил Азаров и вывалился из подсобки, посылая автоматные очереди налево и направо.

26.

Юхник ничего не понимал. Сейчас перед ним в обличии огромного гвардейца стояла сама Смерть. Достаточно было одного шага и одного взмаха руки, чтобы уничтожить его, но гвардеец этого шага не делал. Что случилось? Неужели та волна ярости, что выплеснулась наружу, обрела некую силу и парализовала гвардейца?

Первое поколение солдат управлялось с помощью главной программы. Что и как делать солдату, определяла только она — и в то же время сама программа была мертвым набором инструкций. Рукояткину — или тем, кто на него работал, — удалось спроектировать роботов-командиров, задача которых — управлять обычными гвардейцами. Но если делать командиров простыми копиями главной програм-

мы, сама идея создания командного звена лишается смысла. Значит, новое поколение должно обладать определенным набором черт индивидуальности: самостоятельно принимать решения, моделировать действия противника, оптимально использовать силы своих подчиненных. По сути, командиры должны были стать полуроботами-полулюдьми.

С одной стороны эти киборги обязаны правильно понимать желания людей и свободно общаться с ними, а с другой... С другой – у них в подчинении тупые солдаты-исполнители, с которыми тоже нужно как-то общаться, отдавать приказы. Вербально? Наверно, можно, только какой смысл? Связь должна быть проще и эффективнее, солдат обязан расслышать приказ на любом расстоянии и в любой обстановке. Значит, радиосвязь? Может быть. А может то, что люди зовут телепатией? И этот красный гигант принял усиленный яростью беззвучный приказ Юхника, и решил, что перед ним командир? Или мозговые волны человека совпали по частотам с теми, на которых отдают свои приказы киборги-командиры?

Юхник не был универсалом, биология в его сознании лежала на той же дальней полке, что и кройка одежды, кулинария и прочие маловажные навыки и дисциплины. Поэтому его суматошные мысли могли оказаться полным бредом, nonsensом... Но, так или иначе, правда была в том, что он мог командовать гвардейцами.

Гришин медленно приходил в себя. Его глаза, еще затуманенные болью, приоткрылись. В поле зрения попала спина гиганта. Осторожно, чтобы не выдать себя, Гришин потянулся за автоматом.

– Не надо! – крикнул Юхник. – Не стреляй. Теперь он безопасен.

Он сам не верил тому, что говорил. Казалось, вот сейчас по каменному лику гиганта проползет кривая усмешка, и рука выхватит из-под плаща пулемет.

– Что значит – безопасен? – проормотал Гришин.

– Я не знаю. – Юхник осторожно,

не отрывая глаз от гиганта, обогнул его. – Мне кажется, я могу управлять им. А может, и другими солдатами. Ответь, – обратился он к гвардейцу, – в соседней комнате есть еще люди или... такие как ты?

– Есть три гвардейца.

– Хорошо, сейчас мы проверим. – Юхник закрыл глаза, напрягся и... – Черт, не могу. Что-то сердце покалывает.

Он несколько раз глубоко вздохнул.

– Кажется, легче. Попробую еще.

Опять напрягся, пытаюсь воссоздать в себе тот энергетический канал, что случайно открылся несколько минут назад – и послал мысленный приказ.

Прошло несколько секунд. В дверном проеме мелькнули длинные тени, на свет вышли три красных гвардейца.

Получилось!

– Займемся реактором, – предложил Юрий Борисович. Но заняться не успели: где-то на верхних горизонтах громыхнул взрыв.

27.

– Несанкционированное проникновение, – внятно произнес один из гвардейцев, вставая из-за компьютера. – Вы арестованы.

Это был серо-голубой гигант, командир. Он отдал беззвучный приказ красному, и тот, не церемонясь, вытолкнул людей в коридор.

– Сразу не пристрелили. Это ободрает, – прошептал Кирилл. Его слова совпали со звуком взрыва.

– Это наверху, у Азарова, – тихо определил Скворцов. – Хозяева вернулись.

– Не разговаривайте. Разговаривающий будет наказан, – пророкотал робот-командир.

В это время распахнулись двери в конце коридора, и друзья увидели Юхника и Гришину, которых вели два солдата. Скворцов едва не застал от досады: значит, и Юрию Борисовичу не удалось ничего сделать. Проклятье!

Кирилл тоже видел пленных, но...

что-то странное было в поведении Юхника. За годы обучения в институте он хорошо узнал преподавателя и мог с уверенностью сказать, что, попав в плен, Юхник почему-то не чувствовал себя дискомфортно: он шел как на прогулке, неторопливо и без напряжения.

Когда расстояние между двумя группам сократилось до дюжины шагов, Юхник вдруг крикнул:

– Пригнитесь!

Друзья, как подкошенные, рухнули на пол.

– Не разговаривайте. Разговаривающий будет нака...

Шедшие за Гришиным и Юхником гиганты внезапно открыли ураганный огонь по своему командиру. Сотни пуль буквально в секунду разорвали его тело.

– Ну, как вам наши солдаты? – как ни в чем не бывало спросил Юхник.

– Наши?! – Скворцов отряхивал с себя куски «мяса». – Вам удалось перенастроить программу?

– Программу? Нет, здесь совсем другое. Похоже, я умею управлять ими мысленно.

– Тогда прорвемся, – повеселел майор. – А где Требнев?

– Погиб.

– Ясно... Азаров, возможно, тоже. Слышали взрыв?

Юхник и Гришин кивнули.

– Возвращаемся в центр, забираем все, что можно, и пытаемся выйти на поверхность. – Повернувшись, Скворцов увидел красную от натуги физиономию Кирилла. – Тебе что, плохо?

– Не получается, – шумно выдохнул Кирилл. – Не подчиняются!

– На лекции надо было ходить, – попенял Юхник, – а не в спортзал. Тогда бы и тебя слушались! Не зря же говорится: сценция эст потенция, то бишь знание – сила! – Но, видя, как вытянулась лицо Кирилла, сжалился. – Не расстраивайся, это от интеллекта не зависит, тут что-то другое. Потом, когда выберемся, разберемся.

Бегом они вернулись в зал. Чернов взял на себя поиск программного обеспечения для производства солдат

и командиров, а Юрий Борисович занялся кодами управления и таинственным спутником.

Скворцов попытался вызвать Зосиму и Ощепкова, но без результата: группа не отвечала.

– Тут работы на полгода! – с отчаянием крикнул Кирилл. – Скачиваем все, что есть, и сматываемся!

– Есть еще время! – зло процедил Скворцов. – Работаем, ребята, работаем!

– Взгляните, – проговорил со своего места Юрий Борисович.

Оказывается, он нашел и вывел на экран схему подземелий. Возле выхода, очень медленно продвигаясь вперед, клубился сиреневый рой.

– Жив Азаров! – с облегчением выдохнул Скворцов. – Нам бы еще сержанта найти.

– Я могу ошибаться, но, возможно, именно Зосима растревожил вот этот улей. – Юхник указал в правый угол схемы, на один из «инкубаторов». Из него, как шарики из лототрона, один за другим выкатывались красные точки. Они не двигались к выходу из подземелий, туда, где кипел бой, а, пройдя по небольшому коридору-отростку, спускались на нижний уровень. – Со спутником я разобрался, вся информация вот здесь. – Юхник протянул Скворцову флэшку. – Попробую остановить солдат.

Он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. Лицо побледнело, осунулось, будто кто-то изнутри потянул за кожу.

Красные точки вдруг разом остановились.

– Ну, что там? – спросил Юхник, не открывая глаз.

– Получилось... – почему-то шепотом ответил Скворцов.

28.

Зосима и Ощепков прошли уже два уровня, по словам сержанта, «очень тихой богатеельни». Сюрприз их поджидал на втором уровне. Пройдя длинным бетонным коридором, они оказались около приоткрытых дверей. Совсем рядом прозвучал

взвинченный гортанный голос:

— ...подстава какая-то! Вас, Эдуард Степанович, могут ждать серьезные неприятности! Я, рискуя жизнью, прилетаю сюда, потому что мне гарантируется идеальная защита, и вдруг — нате вам: в секретном центре идет настоящая война!

— Да какая война? — Зосима узнал голос Рукояткина. — Скоро всех переловим. Троих уже поймали.

— Не желаю ничего слушать! Я требую моего немедленного вывоза отсюда!

— Рубен Георгиевич, давайте вызовем гвардейцев и спокойно попьем кофе! Ну нельзя же серьезные дела ломать через колено, что вы, в самом деле... Речь идет о миллиардах, а вы: «уеду, уеду!». Что скажут наши заказчики, когда вы приедете к ним ни с чем?

— А что они скажут, когда узнают про весь этот бардак? — визгливо выкрикнул Рубен. — Обеспечьте мне вылет! Я требую: обеспечьте вылет!

Зосима и Ощепков переглянулись. «На счет три!» — показал Зосима Ощепкову. Тот кивнул.

Раз...

— Да улетите вы, улетите! — раздалось лениво из-за двери. — Вместе улетим...

Два...

— Не-мед-лен-но!..

Три!..

— Руки в гору! — заорал, влетая в комнату Зосима. Автоматная очередь пошла в потолок, попавшийся на дороге стул улетел в сторону. Находившиеся в комнате от испуга присели. Рукояткин замер с распахнутым кейсом в руках, военный, открыв на полуслове рот.

А потом случилось то, чего Зосима не ожидал. Отреагировал не военный, а Рукояткин. Эдик выхватил из кейса массивный пистолет и, не целясь, всадил сразу несколько пуль в Ощепкова. Зосима прыгнул в сторону, стреляя в ответ. Полетели пластиковые брызги, какие-то бумажки облаком вспорхнули в воздух. Пули разнесли кейс в щепки, одна из пуль пробила Эдику левое плечо. Сзади заработал автомат Ощепкова. Смертоносная

трасса выбила на стене цепочку кратеров, но перед этим прошла через военный. Захрипев, тот мешком свалился на кучу бумажек, оказавшихся долларами.

Забившийся под стол, Эдик выстрелил снова и на этот раз удачнее — Ощепков, которого спас бронезиловый, еще не пришел в себя после прямого попадания, и не успел найти себе прикрытия. Пуля попала спецназовцу в голень. Ответный выстрел угодил Эдику в живот. Поперхнувшись кровью, Рукояткин стал заваливаться на бок. Стекленеющий взгляд пополз по столу, кейсу, замер на нем. В следующую секунду Рукояткин сунул руку внутрь чемоданчика. По его окровавленным губам поползла уродливая улыбка, но тут же угасла.

— Что он там искал, Миша? — процедил Ощепков, перетягивая ногу жгутом.

Зосима заглянул в кейс. Там находился вмонтированный в одну из стенок компактный пульт, на нем — несколько сенсоров, кнопка «ввод» и жидкокристаллический дисплей. А большего для того, чтобы запустить систему уничтожения, не требовалось.

29.

— Ай! — словно обжегшись, вскрикнул Кирилл и отпрянул от монитора. — Майор, Юрий Борисович, у нас проблемы!

На экране, перекрывая все окна, висела красная табличка: «Немедленная эвакуация. Запущена система ликвидации. До взрыва — двадцать минут».

— Допрыгались, — прокомментировал Кирилл. — Что делать будем?

— Уходим.

— Причем, рэмис вэлисквэ! — добавил, вскакивая, Юхник.

30.

Азарову везло: после двадцати минут яростного боя лишь небольшое ранение в бедро. Но вечно везти не могло — это Азаров понимал. Поэто-

му, бросив одну за другой гранаты, Азаров заковылял прочь. Нужно было успеть сменить магазин, а главное — пройти длинный прямой участок коридора и скрыться за бронированной дверью в следующем отсеке.

Что-то горело и, хотя вентиляция работала исправно, тянуло какой-то химической дрянью.

Азаров добрал до дверей, нажал на сенсор. Выгнутая стальная пластина вздохнула и поползла в сторону. И, не успев Азаров протиснуться сквозь щель, как чьи-то руки цепко схватили его, затащили внутрь.

— Гоша, черт, живой! — раздалось над ухом. Широкая ладонь с наколкой «Т.» на безмянном прихлопнула сенсор, дверь, не открывшись до конца, начала обратный ход.

— Зосима! — выдохнул Азаров.

— Точно так! — расцвел обладатель наколки. Был он перемазан в саже и крови, но живой и здоровый.

— А мне не рад? — подал голос Ощепков.

— Степа!

— Я. — Ощепков слабо улыбнулся. — Живой?

— Так, корябнуло. А тебя, смотрю, задело покруче?

— Что делать будем, парни? От старшего никаких вестей.

— Они в центр шли, направление я помню. Попробуем туда?

— Туда не стоит, Гоша. Через тринадцать минут вся эта богадельня взлетит на воздух.

Сзади раздался топот. Кто-то бежал, ничуть не маскируясь. И тотчас же в наушнике у Зосимы возник голос Скворцова:

— ...слышит. Идем к выходу, срочно идем к выходу! Повторяю: всем, кто меня слышит...

— Азаров! — раздалось уже не в наушнике, — я тебе голову оторву: где связь? Почему связи не было?

Дверь за их спинами вздохнула, готовясь открыться.

— Твой? — успев спросить Скворцов. — Сколько?

— Да я их что, считал? Человек двадцать-тридцать. Трех я точно уложил.

Люк открывался медленно, и просунувшаяся в него серо-голубая рука надавила на торец, ускоряя движение...

31.

Южник отдал приказ, и один из красных кинулся к дверям, давая их в обратную сторону. Скворцов выстрелом раскучорил сенсорную панель. Дверь остановилась. Надолго ли?

— Через этих нам не прорваться. Азаров, вспомни, обходной путь есть?

— Через первый горизонт, если успеем.

Оставив еще одного красного для прикрытия, они кинулись к лестнице. Отчаянье придало им силы, хотя каждый прекрасно понимал, что шансы на спасение ничтожно мало. Времени не было и так, а если на пути встретится еще одна засада...

— Прорвемся! — уверял на ходу Гришин Азарова. — Теперь за нас красные. Прикинь, профессор их всех перевербовал!

— Прорвемся! — вторил Зосима.

— Нет! — закричал вдруг Южник. — Нет. Все назад. За мной, быстрее!

И, не дожидаясь, пока остальные как-то отреагируют на зов, он повернулся, побежал в сторону Сиреневого зала.

32.

Какая сила, какое сумасшествие заставило их тогда послушать? Но они послушались, бросились прочь от последней надежды, от выхода, вслед за хромающим Южником. А вокруг них, молча, словно призраки, тоже подчинившись этому безумному приказу, бежали красные гвардейцы, все новые и новые, и двое из них на ходу легко подхватили ковыляющего Южника и понесли — прочь, прочь...

Кирилл спешил, что было сил и, наконец, вбежал в просторный Сиреневый зал, который они совсем недавно покинули. Южник уже стоял в центре и снова махал рукой: «быстрее, быстрее!»

— Все ко мне, станьте в круг, ско-

рее! — приказал он, и группа подчинилась. Кирилл видел, каким бледным вдруг стало лицо Юхника, когда он закрыл глаза, как задрожали губы и толстой нитью напряглась на виске жила. Что он задумал?

А гвардейцы все прибывали и прибывали. Те, кто оказался в зале самыми первыми, окружили людей кольцом, настолько плотным, что их тела, казалось, вдавлись друг в друга. Следующие вжимались в это кольцо, прямо через их головы лезли новые, образуя живой свод и буквально через несколько мгновений люди оказались замурованы в скорлупу из сцепившихся друг с другом гвардейцев. Кирилл ничего не видел, но зрения тут и не требовалось: он знал, что порожденные волей Юхника, из материализаторов один за другим вываливались еще полужидкие, аморфные тела, у которых была единственная задача: повинаясь приказу бежать, ползти, струиться в Сиреневый зал, чтобы вжаться в многометровую живую стену, стать в ней еще одним кирпичом, еще одним камнем. А другие занимали свои места этажом ниже, под залом, сливаясь в единый фундамент...

— Ну где же... — процедил сквозь зубы Скворцов, — где?

В этот миг сработала система уничтожения. Титанической силы удар потряс все ярусы. Волна всепожирающего огня пронеслась по коридорам, срывая двери и круша перегородки, разрывая в клочья арматуру. В доли секунды она выжгла подземелье и вонзился в живую броню. Первые несколько метров еще не оформившегося слоя пламя выжгло начисто, но ряды гвардейцев, стоявшие ближе к центру, приняли на себя гигантский вал энергии, впитали его и... Этого Кирилл тоже не видел, но каким-то внутренним чутьем вдруг понял, что вершится в эти секунды. Юхник заставил гвардейцев отдать эту энергию, выбросить ее в одном направлении. Жуткий грохот и вой родился где-то над головами людей, невидимые темные стены вокруг заколебались, дрогнули, строй распался, и в следующий миг ревущий огненный столп пробил

верхние ярусы подземелий, выжег землю, расшвырял камни и умчался в стратосферу. Последний удар расшвырял людей в разные стороны, как костяшки домино.

Задыхаясь от пыли, Кирилл нащупал кислородную маску, надел. В голове билась одна мысль: «Где Юхник, что с ним?!»

Жгучая боль в ноге не позволяла встать, и тогда он пополз туда, где, как ему казалось, мог находиться Юхник. Рука наткнулась на чье-то тело. Пыль, подчиняясь законам аэродинамики, рассасывалась, уносясь то ли вверх, то ли в обнажившиеся боковые туннели. Понемногу светлело.

Оказалось, что рядом с Кириллом лежал, распластавшись на камне, Скворцов. Майор был без сознания, его лоб рассекала глубокая рана... Откуда-то со стороны вынырнул, пригнувшись, Гришин.

Сдвинув маску в сторону, Кирилл крикнул:

— Где Юхник? — и не услышал своего голоса. Только сейчас он осознал, что теперь, когда ничто не взрывается, должна наступить тишина, а вместо этого уши забивал какой-то вибрирующий шум, сквозь который звуки почти не пробивались. — Где Юхник?!

— Там! — Гришин махнул рукой.

Кирилл пополз через зал, как ящерица, у которой оторвали задние лапы — судорожно, быстро, отчаянно, не жалея сил. Взрыв отбросил Юхника на кучу камней, и он лежал, вжавшись спиной в валуны, запрокинув острый кадык. Кирилл посмотрел наверх и понял, откуда появились камни. Направленный взрыв разметал несколько этажей, обрушил часть конструкции вниз, и теперь сверху, метрах в пятнадцати синело небо-озеро с белыми бурунами облаков.

Оказавшись рядом, Кирилл схватил Юхника за запястье. Ему показалось, или пульса действительно не было? Отчаянье охватило Кирилл. Нет, только не сейчас. Он должен был выжить, у него было на это право — ведь он спас всех!

Забыв о боли в ноге, Кирилл стянул тело на пол. Юхник не показывал

признаков жизни, остекленевшие глаза растерянно, казалось, смотрели ввысь. Господи, как там все это делается? Ведь помнил же он, помнил...

Кирилл разорвал комбинезон на груди Юхника, положил ладонь под сердце Юрия Борисовича, а потом ладонью другой руки резко надавил. Раз, два!

— Ну дыши же! Дыши! — приказывал, заклинал Кирилл, снова и снова всем телом наваливаясь на словно прилипшую к мертвому сердцу ладонь. — Давай же, работай!

В какой-то миг Кирилл увидел рядом Зосиму. Теперь они вдвоем пытались вернуть Юхника к жизни. Раз, два! Раз, два, три!

— Стой! — прохрипел вдруг Зосима.

Кирилл непонимающе уставился на него: почему «стой»? Они должны бороться, они должны до последнего... И вдруг увидел: черные колодцы зрачков Юхника дрогнули, сужаясь, и на лице, припорошенном пылью, проступил легкий румянец.

Кирилл закашлялся-засмеялся и откинулся на грудь камней — ту самую, на которой несколько минут назад лежал Юхник.

33.

Потом они два с лишним часа выбирались на поверхность, поднимаясь сквозь образовавшийся провал, потому что это оказался единственный путь вверх — все коридоры, куда они не пробовали соваться, были напрочь

завалены обрушившейся землей и камнями.

Вначале выбрался Зосима — ему досталось меньше других. Обшарив окрестности, он раздобыл два куска троса и моток веревки. Скрутив все это, Зосима сбросил канат вниз, по нему забрался Гришин, потом Кирилл. Когда Кирилл выбрался на поверхность, Зосима уже подогнал к провалу УАЗик, к концу каната прикрутили выдранное из машины заднее сидение, соорудив нечто вроде люльки. Юхника, который был без сознания, поднимали вместе с Ощепковым. Тот должен был «рулить», отталкиваясь от стен и следить, чтобы Юхник не попал под удар. Наверху его положили на специальную накидку из лавсана с напылением — такая ткань помогает сохранить тепло в слабом теле и не пропускает земляного холода.

Потом настала очередь Скворцова — тот уже пришел в себя, но ни о каком самостоятельном подъеме речи быть не могло. Неутомимый Ощепков спустился вниз и помог командиру.

Солнце стояло в зените, когда бойцы собрались вместе. Прижавшись спина к спине, они без сил сидели на пожухлой колкой траве, закрыв глаза и ощущая на лицах теплое дыхание солнца. Не верилось, что все, что случилось с ними, было в реальности.

Кирилл услышал быстро усиливающийся рокот: взметнувшийся в небо факел огня зафиксировал спутник-разведчик, и на выручку группе летело звено боевых «МИ-24»...

ОБ АВТОРЕ:

Ян Разливинский родился в 1963 году на Алтае, после службы армии жил в Туле, а с 1997 года — на Урале, в Нижнем Тагиле. Высшего или специального образования не получил, но вот уже двадцать с лишним лет работаю в журналистике, ныне — редактор многотиражки, член Союза журналистов. Литературой занимаюсь давно, отдавая предпочтение фантастике — «твердой» и юмористической. Опубликовано около сотни рассказов, вышло несколько книг. Публиковался в журналах «Техника-молодежи», «Уральский следопыт», «Пульсар», «Полдень, XXII век» и др., коллективных сборниках. Повесть «Старьевщик» опубликована во 2 и 3 номерах журнала «Знание—сила» за 2006 год.